

0-36

ЕРЕВАНСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

ОГАНЕСЯН ПЕТРОС ОГАНЕСОВИЧ

ИЗУЧЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В
АРМЕНИИ ЭПОХИ ФЕОДАЛИЗМА В ТРУДАХ АКАДЕМИКА
Я.А. МАНАНДЯНА
(Специальность 07.00.09 - историография и
источниковедение)
(Диссертация написана на армянском языке)

А в т о р е ф е р а т
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Ереван - 1976

Ереванский государственный университет направляет Вам автореферат диссертации тов. П.О. Оганесяна на тему: "Изучение социально-экономических отношений в Армении эпохи феодализма в трудах академика Я.А.Манандяна", представленной на соискание ученой степени кандидата исторических наук.

Работа выполнена на кафедре истории армянского народа Ереванского государственного университета.

Научный руководитель – заслуженный деятель науки, доктор исторических наук, профессор
С.П. ПОГОСЯН

Официальные оппоненты:

1. Член-корр. АН Арм.ССР, доктор исторических наук
Г.Х.САРКИСЯН
2. Доктор исторических наук Л.О.БАБАЯН

Работа направлена на дополнительный отзыв в Институт древних рукописей им. М.Маштоца (Матенадаран) при Совете Министров Арм.ССР.

Автореферат разослан " 9 " ii 1976 г.

Защита диссертации состоится " vi нояб. iii 1976 г. на заседании Совета по присуждению ученых степеней исторического факультета ЕГУ.

С диссертацией можно ознакомиться в кабинете научных работников университета.

Ваш отзыв (в двух экземплярах, с заверенной подписью) просим прислать по адресу: 375049, г.Ереван, ул.Мравяна, 1, Ереванский государственный университет.

Ученый секретарь
Совета ЕГУ

Г.М.МНАЦАКАНЯН

Победа Великой Октябрьской социалистической революции и установление Советской власти в Армении ознаменовали начало новой эры не только в политической и экономической, но и в духовной жизни армянского народа. Советский строй способствовал развитию материальных и духовных сил армянского народа, создал наилучшие условия для расцвета науки. В новый, небывалый период развития вступила также и армянская историческая мысль.

Новые времена и новая среда ставили перед исторической наукой соответствующие задачи и подсказывали конкретные пути их решения. Стало необходимо подвергать историко-критическому анализу вопросы, относящиеся к общественно-экономическим формациям, оставшиеся вне поля зрения клерикально-феодальной и буржуазной историографии или получившие извращенное толкование роли народных масс, классовых взаимоотношений, классовой борьбы. Нужно было пересмотреть концепции и традиции, созданные этими историческими направлениями, и показать антинаучность их взглядов и методологии, методологическую их несостоятельность. Отвергая чуждые методологическим принципам исторического материализма взгляды и борясь против них, представители армянской советской исторической науки приступили к закладке прочных идеологических основ изучения истории армянского народа.

Конечно, армянская советская историческая наука формировалась не сразу, идеи и принципы марксистского исторического мировоззрения не были тотчас же внедрены в нее. Это был чрезвычайно сложный и многосторонний процесс, тесно связанный с коренными изменениями, происходившими в республике в области экономики, культуры и идеологии на пути к построению коммунистического общества. Работа, предпринятая в области культурного строительства, в том числе и исторической науки, проводилась как по линии подготовки новых кадров научных работников, так и по линии приобщения старой интеллигенции к социалистическому строительству, ее перевоспитания и привлечения к активной творческой деятельности.

Исходя из ленинских указаний, правительство Советской Армении

и Коммунистическая партия провели широкую методически последовательную работу среди старой интеллигенции, желая связать ее с новой жизнью. Следует указать, что подавляющее большинство квалифицированных кадров арменоведов безоговорочно признало Советскую власть и проявило искреннюю готовность участвовать в советском строительстве. Живя и творя уже в условиях советской действительности, для советской науки, многие представители этого поколения интеллигенции не только вложили свои знания и педагогический опыт в дело подготовки новых научных кадров, но, совершив определенный идейный поворот, постарались усвоить принципы марксистско-ленинской исторической науки, пытались встать на позиции материалистического понимания истории. Этот их поворот оказал ощутимые услуги формированию и развитию советской науки вообще и исторической науки в частности.

Среди представителей этого поколения интеллигенции особое место занимает выдающийся советский историк академик Яков Амазаспович Манандян (1873—1952). Окончив историко-филологический факультет Иенского (Германия, 1897) и факультет востоковедения Петербургского (1898) университетов, Я. Манандян посвятил себя научной и педагогической деятельности. Однако, лишенный материальной и моральной поддержки, он вынужден был отказаться от своих любимых специальностей и в 1909 году, окончив юридический факультет Дерпского университета, начал заниматься адвокатской деятельностью. Только после установления советской власти в Армении он получил возможность целиком и полностью отдаться науке. Если рамки дореволюционной научной деятельности Я. Манандяна ограничивались узкими границами исследований филологического характера, то начиная с 20-х годов для него открывается возможность использования всех своих многогранных способностей и навыков также и в области исследования социально-экономической и политической истории феодальной Армении. Тот факт, что его первые работы в области исторической науки были посвящены совершенно новой для армянской исторической науки задаче исследования социально-экономического положения производителей материальных благ феодальной Армении, свидетельствует о том, что он в тот период уже находился под влиянием мировоззрения исторического материализма.

В своем ответном слове на юбилейном заседании в честь своего 75-летия Я. Манандян подчеркивает этот факт: "Октябрьская революция поставила перед советскими историками важнейшие задачи, и

являлось понятно, что изучение истории нашего народа также должно было быть возведено на более высоком уровне. Наша первоочередная задача заключалась в том, чтобы освещать историю армянского народа с точки зрения социально-экономического развития и классовой борьбы"¹. Историко-критическому анализу именно этих сторон научного наследия Я. Манандяна и посвящена представленная диссертационная работа. На этой теме мы остановились не случайно. В научном наследии Я. Манандяна и по сей день сохранили свое актуальное, научное и познавательное значение выдвинутые им вопросы и обобщения, освещающие различные стороны внутренней жизни древней и средневековой Армении, помогающие нам в борьбе против антинаучных и антиисторических концепций буржуазной историографии, против всяких фальсификаций истории армянского народа. Изучение исследований Я. Манандяна, посвященных вышеуказанной проблеме, дает наиболее полное и правильное представление о формировании Манандяна-историка, об эволюции его исторических взглядов и о его концепции понимания истории. Изучение научного наследия Я. Манандяна дает также нам возможность составить правильное представление о первоначальном периоде и развитии советской исторической науки, о задачах, стоявших перед ней. Оно помогает также созданию целостной истории развития советской исторической науки вообще и армянской советской исторической науки в частности. Обобщая труды Я. Манандяна, посвященные проблемам феодальной Армении, и по достоинству оценивая их, мы стремились также показать его роль в области создания целостной научно обоснованной истории армянского народа и его место в армянской исторической науке.

Уже более полувека, как жизнь и научное наследие Я. Манандяна стали предметом особого исследования. Вышедшие в свет статьи о нем касаются в основном того или другого труда ученого или же являются биографическими очерками, написанными в связи с датами его рождения или смерти. Велики заслуги Г.Гюламиряна, С.Еремяна, Аш.Иоаннисяна, Аш.Абрамяна, И.Кусякяна, Б.Грекова, К.Ашрафян, Ш.Арутюняна, А.Жамкочяна и многих других в изучении научного наследия Манандяна. Попытки первых монографических исследований, посвященных Я.Манандяну, принадлежат проф. Л.Меликсет-Беку и

¹ См. АН Арм.ССР "Известия", № 12, 1948, стр. 77.

доктору исторических наук Г. Саркисяну². В их исследованиях описывается жизнь и научное наследие историка вообще; особенно высоко оценены его исследования, касающиеся социально-экономических проблем древней и средневековой Армении. Все научное наследие Я.Манандяна подвергнуто глубокому и разностороннему анализу в работах проф. В.Акопяна³ и в интересных исследованиях доктора исторических наук Л.Бабаяна⁴ и проф. С.Погосяна⁵.

В указанных трудах характеристика исследований Я.Манандяна по вопросам феодальной формации дана по отдельным проблемам. В них показаны его величайшие заслуги в освещении рассматриваемых вопросов, указаны его недостатки и ошибки, а в отдельных случаях и их причины. Первое обширное исследование, посвященное Я.Манандяну, в котором рассматриваются почти все существенные стороны его научного наследия, принадлежит перу Л.Бабаяна и В.Акопяна⁶. Здесь обстоятельно излагается жизненный путь выдающегося историка, его педагогическая и общественная деятельность, характеризуются его исследования по вопросам филологии и политической истории Армении. Для нас представляет особый интерес раздел указанного исследования, где дается оценка работ Я.Манандяна, посвященных изучению истории социально-экономической жизни феодальной Армении (стр.123-160). Здесь авторы рассматривают и вкратце излагают заслуги и вклад Я.Манандяна по отдельным проблемам и отвергают его неубедительные положения и установки.

2 А.Меликсет-Бек, Академик Я.А.Манандян (1873-1952), см. Академия наук Грузинской ССР, Институт истории им. акад.И.А.Джавახишвили, "Мимомхивели", т.Ш, Тбилиси, 1953, "Яков Амазаспович Манандян", вступительная статья Г.Х.Саркисяна, Ереван, 1959, Г.Х.Саркисян, Яков Амазаспович Манандян, см. "Историко-филологический журнал", № 2, 1960 (на арм.яз.).

3 В.Акопян, Первый ректор университета, см. "Вестник Ереванского университета", 1970, № 3, "Академик Яков Амазаспович Манандян", см. "Вестник" АН Арм.ССР, 1973, № II (обе работы на арм.языке).

4 Л.Бабаян, Изучение истории Армении эпохи феодализма в советской армянской историографии, Ереван, 1970 (на арм.яз.).

5 С.Погосян, Изучение истории армянского народа за пятьдесят лет, см. в сб. "Арменоведение за 50 лет", вып. I, Ереван, 1971 (на арм.яз.).

6 Л.Бабаян, В.Акопян, Аюп Манандян, Ереван, 1974 (на арм.яз.).

Высоко оценивая вклад вышеназванных исследователей в определении научных заслуг Я.Манандяна, мы одновременно не можем не отметить, что в армянской исторической науке по сей день нет целостного, обобщающего исследования, освещающего как общий научный вклад Я.Манандяна, так и интересующие нас отдельные стороны его наследия. Таким образом, настоящая диссертационная работа представляет собой попытку частично восполнить этот пробел. Остается добавить, что, когда мы приступили к историко-критическому анализу работ Я.Манандяна в области изучения социально-экономических отношений эпохи феодализма в Армении, соответствующие исследования, проблемы и выводы историка были рассмотрены и оценены нами с учетом соответствующих положений классиков марксизма-ленинизма, а также задач советской исторической науки.

Диссертационная работа состоит из введения, четырех глав, заключения, а также перечня первоисточников и литературы. Вторая глава, в свою очередь, разделена на четыре, а третья глава - на три подглавы.

Во введении обосновывается выбор темы, ее актуальность, изложены задачи и цели исследования, показана степень разработанности темы в исторической науке, дан краткий обзор использованной литературы.

В первой главе, названной "Исследование вопроса о генезисе феодализма в Армении и периодизации его истории в трудах Я.Манандяна", подвергнуты историко-критическому анализу выдвинутые и развитые им взгляды по данной проблеме.

Актуальность уточнения периода генезиса феодализма в Армении не нуждается в подтверждении; без его разрешения нельзя иметь точное представление о ходе исторического развития древней Армении в целом. В конечном счете правильное определение периода возникновения феодализма может выявить проблемы эпохи зарождения феодальных отношений, способа производства, классов, права земельной собственности и землевладения, а также много иных, связанных с ними вопросов. В армянской исторической науке до Я.Манандяна в изучении этой проблемы определенные шаги были предприняты Н.Адонцем. Н. Адонц освещал проблему генезиса феодализма в Армении, руководствуясь принципами методологии буржуазной историографии. Критически относясь к научному наследию Н.Адонца, Я.Манандян находит некоторые его взгляды спорными и нереальными, считая, что приводимые им доводы о возникновении

феодализма противоречат его заключениям и вызывают серьезные возражения.

При освещении проблемы генезиса феодализма в Армении Я. Манандян, в основном, обращается к историко-сравнительному методу, который, по его мнению, может дать исследователю ответ на ряд волнующих его вопросов. Манандян считает, что при помощи историко-сравнительного метода наличие феодализма можно считать доказанным не только в средневековой Европе, но и в других странах. В этой связи историк отвергает антинаучную концепцию буржуазной историографии о том, что феодализм якобы присущ исключительно Западной Европе. Он пишет, что "существование феодализма налицо в жизни многочисленных народов в различных местах и в разные эпохи"⁷. Однако и Манандян в свою очередь также не смог применить историко-сравнительный метод к конкретной исторической среде. Так, опираясь на мнение Гиббона, Сен-Мартена и других ученых, занимавшихся вопросами "восточного феодализма", согласно которому в период Ахеменидского и Парфянского царств иранский общественный строй якобы был феодальным, он находит, что в ту историческую эпоху в Армении также должен был существовать подобный строй. Эту версию он аргументирует тем, что Армения уже во время Ахеменидского владычества являлась составной частью древней Персии и находилась под сильным культурным воздействием Ирана. Манандян утверждает, что процесс социальной дифференциации страны происходил, как и в Иране, в одинаковых условиях распада родового строя, но позднее, когда утвердилась в ней династия Аршакидов, "под влиянием парфянской государственности и на аналогичных с Аршакидской Парфией государственно-правовых основах окончательно оформился в Армении феодальный, или нахарарский, строй". Развивая эту мысль, Я. Манандян пишет, что армянский феодализм "возник и оформился на основах парфянского строя и феодальности"⁸.

⁷ Я. Манандян, Феодализм в древней Армении (период Аршакидов и марабанства), Ереван, 1934, стр. 4 (на арм. яз.).

⁸ Там же, стр. 7, 17, 159, см. также "Заметки о феоде и феодальном войске Парфии и Аршакидской Армении", Тифлис, 1932, стр. 6, "Краткий обзор истории древней Армении", М.-Л., 1943, стр. 18, "Заметки о положении винаганов древней Армении в эпоху марабанства", Ереван, 1925, стр. 31 (на арм. яз.).

Возражая против этих развитых Манандяном взглядов, необходимо отметить, что историческую аналогию не во всех случаях можно точно провести и применить к разным историческим явлениям и событиям. Марксизм учит, что конкретные исторические явления необходимо изучать в конкретной исторической среде, в противном случае нельзя избежать схематизма. Несомненно, генезис феодализма в Иране, так же, как в Армении и во всех других странах имеет свои общие закономерности, однако не следует механически переносить социальную структуру Ахеменидского и Парфянского обществ на Армению той же эпохи и сообразовать их с армянской действительностью, не вникая в соответствующую среду, особенности и своеобразия последней. Кроме того, неизвестно, соответствовали ли общественные отношения Армении (а также Ирана) того периода (после VI века до н.э.) общественным отношениям периода феодализма, как утверждает Манандян, или же они больше соответствовали таковым периода разложения общинного строя и зарождения рабовладельческого. Рассматривая вопрос об условиях возникновения феодализма в Армении, Манандян пишет: "Возникновение феодализма на Востоке и в Западной Европе происходило в совершенно различных условиях. В Западной Европе феодализм возник после падения Римской империи, как результат разложения бывшей государственной организации, а на Востоке он развивался постепенно, в ходе разложения и видоизменения родового строя. Имея в виду эти различные условия возникновения феодализма, в новейших исследованиях возникший от родового быта феодализм называют первичным феодализмом, а феодализм средневековой Европы - вторичным"⁹. Исходя из вышеуказанного, Манандян считает, что феодализм в Армении возник "на основе родовой жизни" в период разложения родового строя; вот потому он и называет армянский феодализм "первичным". Возражая Н. Адонцу, который приурочивает процесс разложения родовых отношений и возникновения феодализма в Армении ко времени царствования Арташеса I (189-160)¹⁰, Я. Манандян считает, что этот процесс начался гораздо раньше - "в предыдущий,

⁹ Я. Манандян, Феодализм в древней Армении, стр. 241, 306.

¹⁰ Н. Адонц, Армения в эпоху Юстиниана, С. Петербург, 1908, стр. 406.

более древний период" II, т.е. во времена, когда на Армянском нагорье поселились армены (УП-УІ вв. до н.э.). По мнению Манандяна, генезис феодализма в Армении проходил в сложных условиях противоречий в общественном строе и быте арменов и народов царства Урарту: "Захват новых стран, завоевание местных племен и их подчинение власти завоевателей не могли не иметь своего влияния на родовые отношения и, несомненно, должны были способствовать расширению прав и власти родовых и племенных вождей у арменов. В то же время экономическое неравенство, которое возникло в результате подчинения побежденных народов завоевателям, по-видимому, в тот древний период господства арменов переходило в политическое и правовое неравенство и способствовало образованию сословий и классового общества" I2. Однако "напряженные и беспрерывные бои", внешние походы, завоевания варварских народов не создают нового способа производства, если для этого нет соответствующих внутренних, социально-экономических предпосылок: развития производительных сил и производственных отношений. Подходя к вопросу с этой точки зрения, мы видим, что теория возникновения феодализма у Я.Манандяна, в основном, обусловлена факторами внешнего порядка и при обосновании проблемы он опирается на концепции, получившие распространение в немецкой историографии. Представители этой "школы" (Гирке, Бруннер, Энкхори, Мауэр и другие) считают, что феодализм в Западной Европе возник в результате завоевания Римской империи германскими варварскими племенами I3. Если эту концепцию возникновения феодализма можно с определенными оговорками применить к западноевропейской исторической среде, то в Армении обусловливание этого процесса подобными же факторами означало бы игнорирование исторической

II Я.Манандян, Феодализм в древней Армении, стр.251, см. также "О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен (У в. до н.э.-XV в.н.э.), изд.2-е, Ереван, 1954.

I2 Я.Манандян, Феодализм в древней Армении, стр.250, см. также "Критический обзор истории армянского народа", т.1, Ереван, 1945, стр.81 (на арм.яз.), "Краткий обзор...", стр.8, "О торговле и городах Армении...", стр.47.

I3 Б.Ф.Поршнев, Феодализм и народные массы, М., 1964, стр.509.

среды и отклонение от правильного научно-исторического воспроизведения явлений. В конечном счете, классики марксизма-ленинизма, говоря о значении внешних походов, войн, завоеваний варварских племен, в процессе генезиса феодализма в европейских странах, подчеркивают: "Феодализм вовсе не был перенесен в готовом виде из Германии; его происхождение коренится в организации военного дела у варваров во время самого завоевания, и эта организация лишь после завоевания, - благодаря воздействию производительных сил, найденных в завоеванных странах, - развилась в настоящий феодализм" I4. Следовательно, создание экономического, политического и правового неравенства, возникновение сословий и классов и происхождение феодализма нужно объяснять не завоеваниями арменов и их последствиями, обуславливать их не факторами внешнего порядка, которые действительно могли иметь лишь некоторое влияние на отдельные общественные, социально-экономические процессы, а внутренними закономерностями развития данного общества, конкретными экономическими законами. Особые возражения вызывает точка зрения Я.Манандяна, согласно которой окончательному разложению родовых отношений при Арташесидях (II-I вв. до н.э.) во многом способствовало наличие "новой силы" - денежного капитала, возникшего благодаря развитию торгового и денежного обращения I5. Не следует забывать, что до Арташесидской Армении также было знакомо денежное обращение и оно не могло быть "новым явлением". К.Маркс отмечал, что и при сравнительно слабо развитом товарном обращении могли существовать все формы денежных функций I6. Следовательно, зарождение феодализма и общественных, социально-экономических явлений невозможно объяснить наличием денежного обращения и денежного капитала.

Подробно анализируя вопрос о путях возникновения феодализма, Я.Манандян пришел к выводу, что социально-экономическому разви-

I4 К.Маркс и Ф.Энгельс, Соч., т.Ш, М., 1955, стр.74.

I5 Я.Манандян, Феодализм в древней Армении, стр.250-251, см. также "Критический обзор...", т.1, стр.113, "О торговле и городах Армении...", стр.48.

I6 К.Маркс, Капитал, т.1, М., 1969, стр.181

тип древней Армении чужда была рабовладельческая формация. Точка зрения Манандяна, согласно которой доарташесидское и Арташесидское государства считались феодальными и отрицалось наличие в них рабовладельческих формаций, была тесно связана с дискуссиями, проходившими в советской исторической науке в 20-30-х годах в связи с вопросом об общественно-экономическом развитии Древнего Востока. Изучив общественный строй, экономику, социально-экономические отношения, формы общинной и частной собственности на землю, советские востоковеды (В.В.Струве и его последователи) показали, что в этом регионе феодализму предшествовал рабовладельческий общественный строй. Эта концепция, разработанная в советской историографии, в конце 30-ых годов проникла в армянскую историческую науку, и здесь постепенно начало господствовать мнение, согласно которому рабовладельческий строй не обошел и Армению, подобно остальным странам древнего мира, поскольку и здесь основными производителями материальных благ были преимущественно рабы¹⁷. Согласно этой новой точке зрения, в Армении с VI-V вв. до н.э. и до первых веков н.э. господствовал рабовладельческий строй. Я.Манандян резко выступил против этой точки зрения и попытался доказать, что "этап рабовладельческой экономической формации не был обязателен для древнеармянского государства Артаксидов (Арташесидов - П.О.). После распада родовых отношений мы отчетливо наблюдаем в Армении переход от родового строя эпохи Ксенофонта к нахарарскому (т.е. феодальному - П.О.) строю эпохи Аршакидов, минуя рабовладельческую стадию". Далее он вполне четко отмечает: "От родового общества ксенофонтской эпохи в Армении развился не рабовладельческий, а феодальный, или крепостнический, строй"¹⁸. По мнению Манандяна, существовавшие, согласно новой концепции, в Армении многочисленные агараки, латифундии, поместья, носившие название "дастакерт", рабовладельческие храмовые хозяйства и сведения о городах эллинистического типа основаны не на точных свидетельствах первоис-

17 См. "История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства" (на правах рукописи), ч. I-II, М.-Л., 1939.

18 Я.Манандян, Критический обзор..., т. I, стр. 162 (курсив наш - П.О.).

точников, а на ошибочной интерпретации термина "агараки", "дастакерт", "иеродул" (храмовых рабов) или же на обих, необоснованных соображениях, которые не могут считаться убедительными и приемлемыми. Для обоснования и защиты своих взглядов Я.Манандян издал два специальных исследования¹⁹. В них автор развивает точку зрения о том, что, хотя в древней Армении и существовали рабы, однако рабство здесь носило патриархальный, бытовой характер и рабы не были основными производителями материальных благ: "Основой производства, - пишет Манандян, - в древней Армении был не рабский труд, а труд крестьян-шинаканов". Поэтому, предупреждает он армянских историков, признавая существование рабства в древней Армении, не следует переоценивать его значение и считать рабский труд основным и первостепенным стимулом в экономическом развитии древней Армении. В своем письме к Б.Д. Грекову от 22 января 1941 года Я.А.Манандян особо подчеркивает тот факт, что рабство в Армении и по своему экономическому значению резко отличалось от рабства в Греции и Риме и не могло сравниться с ним, следовательно, оно сходно с общественным развитием так называемых "варварских народов - скифов, славян, германцев"²⁰. Все эти предостережения Манандяна преследовали цель оградить советскую армянскую историческую науку от механической идентификации общественно-экономического строя доаршакидской Армении с рабовладельческим строем античных обществ - древнегреческого и древнеримского. Однако, как справедливо отмечает Г.Х.Саркисян, "данные его возражения объективно уместны лишь против предположения о том, что древней Армении был свойствен рабовладельческий строй именно древнегреческого или же римского типов, и отпадают, если речь идет о местном, древневосточном типе рабовладельческого общества"²¹.

19 Я.Манандян, Актуальные вопросы историографии древней Армении, см. "Историк-марксист", кн. 6, 1940, "Проблема общественного строя доаршакидской Армении", см. "Исторические записки", т. XV, 1945.

20 См. Архив Матенадарана им. М.Маштоца, фонд академика Я.А.Манандяна, д. 206, док. 253, стр. 1, см. также, д. 226, док. 210, стр. 14-15, см. также "Заметки о феде...", стр. 15, "Краткий обзор...", стр. 19, "Феодализм в древней Армении", стр. 239-240.

21 Г.Х.Саркисян, Я.А.Манандян, ИФЖ, 1960, № 2, стр. 98, см. также "Яков Амазаспович Манандян". Вступительная статья Г.Х.Саркисяна, стр. 36-37.

Отрицание Я.Манандяном рабовладельческих институтов как доарташесидской, так и арташесидской исторических эпох опирается на его мнение, согласно которому рабовладельческие латифундии должны были работать "для широкого рынка". В соответствии с этим, поскольку в Арташесидской Армении существовало натуральное хозяйство, то сельскохозяйственные продукты, производимые в агараках и дастакертах армянских помещиков и царей, потреблялись также внутри этих поместий и не поступали на внешний рынок для массовой продажи. Из этого следует, что степень рабовладения и эксплуатации рабского труда зависела от "экономической среды каждой страны и слабого или широкого развития товарооборота"²². В таком случае отождествление агараков "с латифундиями, — пишет Манандян, — совершенно лишено основания, поскольку хозяйства типа латифундий, основанные на рабском труде, как известно, имели характер крупных сельскохозяйственных предприятий и работали на широкий рынок"²³. Следовательно, при определении типа общественно-экономической формации древней Армении Я.Манандян исходит не из производственных, а из меновых отношений, что, конечно, неверно. Известно положение К.Маркса о том, что не способ производства обусловлен обменом, а обмен обусловлен способом производства²⁴. Поэтому, когда речь идет об Арташесидской Армении, можем ли мы утверждать, как это в данном случае делает Манандян, якобы там не было товарного производства и оборота, а следовательно, — и внутренней и внешней торговли. Переоценка сведений первоисточников, результаты последних археологических раскопок, а также выдвинутые в специальной литературе положения свидетельствуют о том, что в доарташесидской и особенно в Арташесидской Армении существовали основанные на применении рабского труда формы государственного, военно-рабовладельческого и храмового землевладения; а имеющиеся сведения о ремеслах, торговле, градостроительстве, внутренней структуре городов и их жизни говорят о том, что в Армении было много общего с аналогичными явлениями в других рабовладельческих странах Востока. Указанные промахи Манандяна

22 Я.Манандян, Феодализм в древней Армении, стр.240.

23 Я.Манандян, Критический обзор..., т.1, стр.161.

24 К.Маркс, Капитал, т.1, 1969, стр.133.

являются следствием того, что он пытался свои основные взгляды подтвердить сохранившимися в древнеармянской историографии данными, отражавшими картину действительности IV-V вв., представляя Армению в качестве страны с феодальным строем. Эти сведения Манандян переносил в доарташесидскую и Арташесидскую Армению и пытался сообразовать социальные явления, характерные для IV-V вв., также с этими историческими эпохами. Представители современной армянской исторической науки, высоко оценивая заслуги Я.Манандяна в области изучения этой проблемы, одновременно справедливо критикуют его взгляды на пути социально-экономического развития древней Армении и рассматривают вопрос в совершенно новом аспекте, считая, что в указанные исторические эпохи в Армении господствовал не феодальный, а рабовладельческий строй²⁵.

Я.Манандян подробно занимался и проблемой периодизации истории эпохи феодализма в Армении. Как мы уже видели, он приурочивает период возникновения феодализма к доарташесидской эпохе (VI-VI вв. до н.э.), а разложение и упадок — к XIV-XV вв.²⁶. Историк справедливо отмечает, что "разложением армянского феодализма не ликвидируется феодализм в Армении, а заменяется своеобразным персидским и османским феодализмом". "Армянский феодализм, — продолжает он, — постепенное возникновение которого мы предполагаем в доарташесидский период, а окончательный распад в XIV-XV века, несомненно, был основным стержнем прошлого Армении почти во все периоды ее исторического развития вплоть до господства персов и османов"²⁷. Таким образом, историю армянского народа, начиная с VII века до н.э. и до XVI века нашей эры,

25 С.Еремян, Проблема падения рабовладельческого общества и зарождения феодальных отношений в древней Армении, см. "Доклады советской делегации на XII международном конгрессе востоковедов в Кембридже", Москва, 1954, стр. III-III2, Г.С.Саркисян, О путях социально-экономического развития древней Армении, Ереван, 1962 (на арм.яз.), "История армянского народа", т.1, Ереван, 1971 (на арм.яз.). О точках зрения по этому вопросу см. Л.О.Бабалян, Указ. соч., 27-88.

26 Я.Манандян, Феодализм в древней Армении, стр. 257.

27 Там же, стр. 256-258.

Я.Манандян заключает в рамки феодальной формации. В этом "неделимом целом" он пытается провести периодизацию истории феодализма. По его мнению, феодализм в Армении прошел три этапа:

1. Начальный феодализм; 2. Развитый феодализм и 3. Разлагающийся феодализм²⁸. Согласно вышеуказанной схеме Манандяна, возникновение феодализма и первый период его развития необходимо отнести к периоду доарташесидской и Арташесидской Армении (VI век до н.э. — I в. до н.э.), развитый феодализм — к периоду Аршакидов, марзбанства и Багратидов (I—XI вв.), а начало разлагающегося феодализма — к периоду после татаро-монгольских походов и до установления персидско-османского владычества в Армении (XIV—XV вв.)²⁹. В другой связи он приурочивает начало разложения феодализма уже к XI веку³⁰. Манандян считает, что "указанная последовательность феодального строя и его разделение на три периода обусловлены экономическим развитием городов и торгово-денежных отношений"³¹.

Как видим, разделение Я.Манандяном пути развития, прошедшего феодальным строем, на три периода не обусловлено качественными изменениями в производственных отношениях и производительных силах. Поэтому различные общественно-экономические формации у него переплетаются, одна степень общественного развития не отграничена от другой и явно перепутана конкретная историческая среда. Так, например, историк утверждает, что "Арташесидская Армения являлась государством, находившимся в периоде начального феодализма", то есть в историческом периоде, которому совершенно не должно было быть известно массовое возникновение городов и

28 Там же, стр.304.

29 Я.Манандян, Критический обзор..., т.I, стр.162, см. также "Феодализм в древней Армении", стр.II,304, "Краткий обзор...", стр.15, "О торговле и городах Армении...", стр.69, "Актуальные вопросы...", стр.8, "Проблема общественного строя...", стр.28 и т.д.

30 Я.Манандян, Города Армении в X—XI столетиях, Ереван, 1940, стр.45 (на арм.яз.), см. также "О торговле и городах Армении...", стр.212, "Феодализм в древней Армении", стр.266.

31 Я.Манандян, Феодализм в древней Армении, стр.304 (курсив наш — П.О.).

особенно в форме градостроительства. Ранний феодализм связывается с такими явлениями и факторами, как замкнутое натуральное хозяйство, слабое проявление торговых отношений, упадок городов и так далее. К.Маркс и Ф.Энгельс, говоря о зарождении феодальных отношений, пишут: "Земледелие пришло в упадок, промышленность, за отсутствием сбыта, захирела, торговля замерла или была насильственно приостановлена, сельское и городское население убыло"³². Однако как примирить с этим периодом такие явления, как развитие "денежного капитала", торговли и денежного обращения, зарождение городов, расцвет ремесел, которые неоднократно отмечает Манандян и которые действительно имели место в Арташесидской Армении? Таким образом, первый период по схеме периодизации Я.Манандяна не соответствует исторической действительности; здесь явления рабовладельческой формации переплетены с явлениями, присущими раннему феодализму, и им приписаны такие качества и факторы, которые несовместимы с этим историческим периодом. То же самое можно сказать и о втором периоде его схемы периодизации. В аршакидский и марзбанский периоды и в период арабского владычества Армения не могла быть страной развитого феодализма. Сам Я.Манандян также считал, что "в этот период феодализма (I—VI вв.— П.О.) в Армении преобладающее значение имело натуральное хозяйство, пшеница и остальные сельскохозяйственные продукты не стали еще товарами широкого рынка, были слабо развиты торговля и денежное обращение"³³. В другой связи историк справедливо утверждает, что в тот же период города, как центры торговли, ремесел и хозяйства, переживали упадок³⁴. Эти явления хотя и происходили в Армении в указанный период, однако были несовместимы с действительностью развитого феодализма. Конечно, правильнее считать их явлениями, присущими раннему, а не развитому феодализму. Это соответствует исторической действительности. По сравнению с предшествующими историками, Я.Манандян сделал несколько шагов вперед в разрешении вопроса о продолжительности феодализма в Армении.

32 К.Маркс и Ф.Энгельс, Сочинения, т.Ш, стр.22.

33 Я.Манандян, Критический обзор..., т.II, ч.I, Ереван, 1957, стр.410 (на арм.яз.).

34 Я.Манандян, О торговле и городах Армении..., стр.II8.

Он почти правильно определяет период окончательного разложения армянского феодализма, а не феодализма вообще, считая, что монголы, Джелалриды, Чобаниды, нашествия и непрерывные войны, бедствия и разрушения, причиненные Ленг-Тимуром, туркменскими племенами кара-кочилу и ак-кочилу, истощили Армению, и с середины XIV века "армянский феодализм переживал уже тяжелую агонию и настолько был ослаблен, что уже не имел политического веса и значения". Историк совершенно правильно отмечает, что с разложением армянских феодальных династий "феодализм в Армении не ликвидировался, а сменялся своеобразным персидским и османским феодализмом" ³⁵. И действительно, ликвидация армянских княжеских родов, чужеземное господство не привели и не могли привести к ликвидации феодальной общественно-экономической формации в Армении. Однако Я.Манандян пытается обусловить указанные явления внешнеполитическими факторами — фактом непрерывных войн, бедствий и разрушений, переселений и опустошений, не вникая в изменения, которые произошли в производительных силах и производственных отношениях в результате постепенного насаждения кочевых, полуфеодальных примитивных отношений.

Мы уже говорили, что Я.Манандян по другому поводу периодом начала разложения феодализма в Армении считал также XI век. По его мнению, в Багратидской Армении бурное развитие ремесел, торговли, городов, экономики и культуры создавало благоприятные предпосылки для разложения феодализма, после чего общественно-экономическая жизнь в Армении "могла быть реорганизована на новых прогрессивных началах" ³⁶. Под "новыми прогрессивными началами" Манандян, конечно, подразумевает буржуазный способ производства. Об этом свидетельствует, в частности, следующий выдвинутый им вопрос: "Развитие ремесла и торговли, увеличение удельного веса торгово-ростовщического элемента, процветание и рост городских центров Багратидской Армении содействовали, несомненно, рождению новых экономических и социальных отношений, и возможно, что новые силы с течением времени вызвали бы рушение феодального строя, если бы развитие это не было прервано собы-

35 Я.Манандян, Феодализм в древней Армении, стр. 256.

36 Я.Манандян, Города Армении в X-XI столетиях, стр. 46

тиями середины XI века и и нашествием сельджуков" ³⁷. Возражая против указанной точки зрения Манандяна, необходимо отметить, что рассмотрение фактического материала не говорит о разложении феодализма и зарождении буржуазных отношений в указанный период. Эти новые явления, намечавшиеся в экономической и общественной жизни Армении, характерны не для разлагающегося, а, напротив, для развивающегося феодализма. Известно, что капиталы ростовщической и купеческой формы "наблюдаются в самых различных общественно-экономических формациях", следовательно, эти явления не были новыми и в добагратидской Армении. В этой связи уместно было бы привести следующие слова В.И.Ленина: "Ни торговый, ни ростовщический капитал не составляют еще достаточного условия для возникновения промышленного капитала (т.е. капиталистического производства); они не всегда разлагают старый способ производства" ³⁹. Не углубляясь в суть вопроса, отметим только, что признаки возникновения развитого феодализма в Армении Я.Манандян явно путает с признаками разложения феодализма и зарождения буржуазных отношений вообще. Частично это объясняется и тем, что он, как и многие советские историки, в те годы находился под влиянием господствовавшей в советской историографии концепции Покровского о роли "торгового капитала".

Вторая глава работы — "Характер и особенности феодализма в Армении по Я.Манандяну" — состоит из следующих разделов: "Общие замечания", "Особенности феодализма в Армении и нахарарское сословие", "Формы земельной собственности", "Сельская община".

Определение характера феодальной общественно-экономической формации и ее научная трактовка имеют большое значение для изучения процесса истории феодализма вообще и многочисленных проблем этой формации в частности. Представители армянской исторической науки досоветского периода или полностью отрицали существование феодализма в истории армянского народа или же, в лучшем

37 Я.Манандян, Феодализм в древней Армении, стр.266, см.также "О торговле и городах Армении...", стр.212. "История Армении в период тюрко-татарских нашествий", Ереван, 1922, стр.93-94 (на арм.яз.), "Города Армении в X-XI столетиях", стр. 45-47 (курсив наш — П.О.)

38 К.Маркс, Капитал, т.Ш, стр. 648.

39 В.И.Ленин, Полн.собр. соч., т.Ш, М., 1958, стр. 176.

случае, рассматривали его лишь как механическую совокупность общественно-политических отношений, как юридическую категорию. Исследование характера феодализма было ограничено формально-юридическими определениями, и, естественно, когда Я. Манандян приступил к разработке этой проблемы, он не мог оставить задачу в том виде, в каком он ее получил в наследство. Я. Манандян считает, что нахарарская организация древней Армении по своей сущности соответствует феодализму, характерному для Западной Европы и, в частности, Франции. Подобная постановка вопроса Манандяном не могла быть случайностью. Как в его время, так и в наши дни, в исторических, социологических и экономических исследованиях, посвященных феодализму, получила гражданство точка зрения, согласно которой в различных странах присущие феодализму признаки считались разновидностью феодального общества, существовавшего в Северной Франции. Тот факт, что для объяснения сущности понятия "феодализм" в качестве "прототипа" берут Северную Францию, объясняется не только тем, что этот район лучше изучен, а в первую очередь тем, что французский образец дал более целостное представление о развитии основных элементов этих понятий⁴⁰. Концепция марксистского понимания феодальной формации также гласит, что именно северофранцузский феодализм полнее представляет конкретную историческую среду этого понятия. И не случайно, что Энгельс считал Северную Францию "средоточием феодализма в средние века"⁴¹.

Касаясь общей характеристики феодализма, Манандян пишет: "Феодализм — не только особая экономико-общественная организация, но одновременно и отдельная система своеобразных социально-политических отношений. Следовательно, у феодализма и экономических и политических признаки"⁴². Говоря об экономической основе феодализма, историк пишет: "Экономическую основу феодализма составляет феодальный способ производства — естественное или натуральное хозяйство, которое нужно противопоставить не денежному, а товарному хозяйству"⁴³. Как видим, феодализм для Манандяна представляет прежде всего господство основанной на натуральном

40 Л. Бабаян, Указ. соч., стр. 187-188.

41 К. Маркс, Ф. Энгельс, Сочинения, т. XXI, стр. 259

42 Я. Манандян, Феодализм в древней Армении, стр. 24.

43 Там же, см. также "Критический обзор...", т. II, ч. I, стр. 314.

хозяйстве земельной собственности и "господство крупных помещиков и военной организации"⁴⁴. Однако натуральное хозяйство было присуще не только феодальным производственным отношениям; правда, оно было одной из существенных черт феодализма, однако было характерно и для рабовладельческой общественно-экономической формации.

По Я. Манандяну, феодальной формации присущи также и феодальная иерархия и система вассальных отношений. Однако в основу вассальных отношений он ставит не земельную, а политико-правовую и личную зависимость. В этой связи историк пишет: "Для феодального строя характерна не только рассредоточенность верховной власти и разделение страны на самостоятельные княжеские районы, но их объединение вассальными, союзническими узлами". По мнению Я. Манандяна, этот союз был необходим для взаимной защиты и помощи. "Вассальная связь, — пишет он, — заключалась в том, что подчиненные сеньоры заключали специальные договоры с более могучими сеньорами, которые покровительствовали им и защищали их, давали им специальную клятву в верности и подчинении и обязали выполнять воинские и другие почетные служебные обязанности по отношению к сюзеренам. Таким образом, в феодальных государствах была создана длинная цепь вассальных отношений, которые называли "феодальной лестницей"⁴⁵. Все это говорит о том, что Манандян рассматривает вассалитет как союз; для нас так и осталось неясным, каковы же экономические и правовые основы этого, присущего феодальному обществу института и его функции в антагонистическом классовом обществе. Институт вассалитета не был "союзом", он не был создан для "защиты" и "взаимной помощи", а защищал монополию феодалов, в первую очередь в отношении земли. Это была система взаимоотношений подчиненности снизу вверх, основанная на земельной собственности. Земли, находившиеся в распоряжении государственных правителей, дарованные им царем или государством, по мере углубления феодальных отношений меняли свое прежнее содержание. Эти прежние правители, а теперь уже феодально-землевладельцы, приобретали наследственные, собственнические

44 Я. Манандян, Феодализм в древней Армении, стр. 28

45 Там же, стр. 26.

права на землю, наделялись самостоятельными княжескими функциями и превращались в феодалов, в собственников земли⁴⁶. Следовательно, в условиях подобных отношений зависимость феодалов от слезерена не могла быть "лишь вассальной, личной", как полагает Манандян, а была, в первую очередь, земельной.

В диссертационной работе рассмотрены также взгляды Я.Манандяна на особенности и сущность феодализма в Армении.

Рассматривая эти вопросы, историк считает, что первая отличительная черта армянского феодализма от феодализма стран Западной Европы заключается в том, что феодализм в Европе развивался "сравнительно быстро и почти всегда по восходящей линии", а в Армении, которая была "постоянной ареной войн для соперничавших государств-завоевателей", в условиях периодического разрушения ее хозяйства "последовательное развитие как страны, так и феодализма было обречено часто на экономический регресс"⁴⁷. Согласно мнению Манандяна, следующей самостоятельной особенностью феодализма в Армении является то, что его постепенное развитие и упадок в силу неблагоприятного географического и политического положения Армении имели своеобразное направление, которое не соответствовало прогрессивному развитию и внутреннему качественному разложению феодализма Западной Европы"⁴⁸. Несомненно, историк прав, утверждая, что внешние походы влияют на экономическое развитие страны и часто становятся определяющими. Это обстоятельство неоспоримо, но разве оно было присуще только армянской действительности? Ведь такие войны с подобными же последствиями происходили и в других странах Востока, а также и в Европе. По Манандяну, другая особенность армянского феодализма заключается в том, что "нахарарская организация древней Армении, будучи первичным феодализмом, сохраняла в себе многочисленные пережитки прежнего родового быта, в то время как европейский феодализм, будучи вторичным, заключал в себе остатки не только германского общинно-родового строя, но и римской государственности, ее городской культуры и учреждений"⁴⁹. Отсюда историк заключает, что дофеодалные родовые элементы должны были быть намного сильнее

46 Б.Ф.Поршнев, Очерк политической экономии феодализма, М., 1957, стр.32-33.

47 Я.Манандян, Феодализм в древней Армении, стр.304.

48 Я.Манандян, Феодализм в древней Армении, стр.305, стр.256-257.

49 Там же, стр.306, см. также стр.241-242.

и явственнее при армянском феодализме, чем при феодализме в Западной Европе.

Ту или иную особенность феодализма в Армении Манандян очень часто объясняет географическим своеобразием страны. В связи с этим необходимо заметить, что он переоценивает роль географической среды как в политической, так и в экономической жизни Армении. По его мнению, "злосчастное" географическое положение Армении являлось одной из причин, повлиявших на ее благополучие, неблагоприятно воздействовавшее на ее политическое и экономическое развитие⁵⁰. Несомненно, он прав, когда утверждает, что вследствие своего географического положения страна превратилась в арену войн для агрессивных держав Востока и Запада, и это обстоятельство во многом отразилось на экономической, культурной и политической жизни страны⁵¹. Однако постановка Манандяном вопроса о географической среде неправомерна, поскольку он рассматривает географический фактор как один из основных, решающих моментов в исторических судьбах армянского народа, его политической и социальной жизни. Все последствия, вытекающие из географического положения Армении, конечно, не могли быть одной из особенностей армянского феодализма; для него они могли быть не решающими или основными факторами, а только одним из важных факторов. Сравнивая главные и необходимые признаки феодального строя с аналогичными явлениями армянской действительности, Манандян приходит к выводу, что, как в Западной Европе, децентрализация и рассредоточенность государственной власти имелись также и в древней Армении. Он справедливо замечает, что средневековая внутренняя жизнь Армении развивалась в формах феодального строя, который многими своими характерными чертами напоминает феодализм Западной Европы. "И здесь, - пишет историк, - как и в Западной

50 Я.Манандян, Феодализм в древней Армении, стр. 258-262.

51 Классики марксизма также неоднократно отмечали влияние завоеваний и географической среды на уровень экономического развития любой страны, однако они никогда их не считали решающими и главными факторами (см. К.Маркс и Ф.Энгельс, Соч., т.УШ, стр.8-9, т.ХШ, стр.87, т.ХХУШ, стр. 214, 222 и т.д.).

Европе, феодальное общество представляло собой многоэтажное здание сословного характера, причем господствующим классом являлась и здесь землевладельческая знать, эксплуатировавшая сидящих на ее землях и подвластных ей крестьян". Верховный слой этого общества – наследственные владельцы крупных доменов, обладавшие в своих владениях правами государственной власти, в древнейших армянских источниках называется "նահարարք" (нахарарк), а их государственную власть и находившиеся под этой властью области называют "նահարարաբնակ" (нахарарутнк) ⁵².

Манандян считает понятия "նահարարք", "նահարարաբնակ" институтами феодализма как по политическому, так и по социальному содержанию. Более того, весь период существования этих институтов в Армении он называет нахарарским. "Нахарарская организация Аршакидской Армении имела все эти главные и необходимые признаки феодального строя" ⁵³. Таким образом, по Манандяну, феодальный строй тождествен с нахарарской организацией. Следовательно, понятия "нахарарский период", "нахарарский строй", "нахарарские отношения" – синонимы понятий "феодальный период", "феодальный строй", "феодальные отношения" и "феодализм" в широком смысле. Однако нахарарство нельзя отождествлять ни с содержанием, ни с сущностью феодальной общественно-экономической формации. Может быть, для Манандяна нахарарство заключает в себе содержание всего социального организма производительных сил, производственных отношений (базиса) и надстроечных понятий? Конечно нет. Рассматривая феодализм-нахарарство в качестве политико-правового "социального общего понятия", историк вынужден был считать его лишь надстроечной категорией. Нахарарство необходимо считать (и оно так и считается в современной армянской советской исторической науке) только лишь одним из институтов армянского феодального общества, подобно тем институтам, которые существовали также и в других феодальных странах. Следовательно, неправильно употребление понятий "нахарарство" и "феодализм" в одном и том же значении.

52 Я.Манандян, Критический обзор..., т. II, ч. I, стр. 315, см. также "Феодализм в древней Армении", стр. 32, "Новеллы Юстиниана о порядке наследования у армян", см. "Известия", АН Арм. ССР, 1958, № 5, стр. 62, "Краткий обзор...", стр. 18.

53 Я.Манандян, Критический обзор..., т. II, ч. I, стр. 315.

В своих исследованиях Я.Манандян подробно останавливается на формах земельной собственности и категориях землевладения в феодальной Армении. Отвергая и критикуя мнение историков о том, что в феодальной Армении абсолютным собственником земель и вод якобы являлся царь, Я.Манандян справедливо отмечает, что в средневековой Армении, как и во Франции, полузависимые и самостоятельные княжества (в Армении нахарарства) имели собственные права на свои земли и поместья, а армянские цари лишь номинально считались верховными собственниками земли. Развивая эту мысль, он пишет: "Земли и поместья нахарарских княжеств, а также их аваны и агараки считаются полной наследственной и родовой собственностью этих княжеств", и что "нахарарские земли, подобно французским так называемым *francs-auxeux* или русским вотчинам, фактически были не условными феодами, а полной и неоспоримой собственностью" ⁵⁴. Для доказательства своих взглядов Манандян приводит множество исторических сведений, что при Аршакидах существовали поместья и земли, которые считались полной наследственной собственностью нахараров, и что зачастую эти земли передавались по наследству без согласия царя. Сопоставление и анализ многочисленных исторических фактов приводит Манандяна к выводу, что в средневековой Армении существовали следующие основные категории землевладения: 1. государственно-казенная, 2. нахарарская; наследственная, безусловная и не подлежащая отчуждению собственность – "այրենիք" ("айреник" – вотчина, *allod*), 3. условная – "պարգևական" ("паргеваканк" – поместье, *beneficium*), 4. обштинная и 5. церковно-монастырская. Манандян на основе анализа первоисточников пришел к выводу, что армянские Аршакиды, осуществляя "управление царством Армении" в качестве верховных сюзеренов, одновременно имели свое сеньориальное владение (Айратскую область), называемое "востаном аркуни" – личная собственность царей ⁵⁵. Что же касается других областей Армении, то они, как правило, составляли собственность нахараров.

54 Я.Манандян, Феодализм в древней Армении, стр. 316, см. также стр. 27, 122-123, 310, 314-315.

55 Там же, стр. 56-59.

Касаясь вопроса возникновения нахарарского землевладения, историк указывает, что представители феодальной знати получали земельные участки от сеньора-сюзерена на специальных условиях верности и службы (особенно воинской). С течением времени подобная категория землевладения, основанная на условиях воинской службы, по мнению Манандяна, стала "наследственной и родовой" и превратилась в полную и безусловную собственность земли категории *allod*. В отличие от прежней категории, называемой феодем (*feodum, fief, Lehn*), эта последняя (категория *allod*) уже не имела смысла условного землевладения, поскольку землевладельцы, получившие "феоды", сохраняли свои права на землю до тех пор, пока находились на воинской или другой службе. Исходя из этого, Манандян приходит к выводу, что нахарарские земли фактически были не условными феодами, а полной и безусловной собственностью.

Н. Манандян особенно глубоко изучил проявления различных форм условного землевладения в Армении. Он справедливо считает, что категория условного землевладения "բարձրագրութիւն" (*beneficium*) от "ալոդ" (*allod*) отличалась тем, что она была временной и личной. Анализу этой категории землевладения он посвятил специальные исследования⁵⁶. Подробно рассматривая социальное содержание термина "խոստակ" (*хостаки*), встречающегося в сочинениях Мовсеса Каганкатваци и Степаноса Орбеляна, он приходит к заключению, что это были специальные земельные участки, которые церковь "предназначала священнослужителям за их духовную службу в качестве *dominium utile*, т.е. не как полноценную собственность, а на правах наследственного пользования. Право верховной собственности (*dominium directum*) на эти же земельные участки принадлежало церкви"⁵⁷. Манандян убедительно доказывает, что эту форму землевладения христианская церковь заимствовала из самого быта нахарарской Армении. При наличии параллелизма между церковным строем и нахарарским, утверждает он, хостаки, выделенные азатам при условии службы,

56 Я. Манандян, Материалы по истории экономической жизни древней Армении, т. II, Ереван, 1928 (на арм. яз.).

57 Я. Манандян, Критический обзор..., т. II, ч. II, Ереван, 1960, стр. 256 (на арм. яз.), см. также "Феодализм в древней Армении", стр. 108, "Критический обзор...", т. II, ч. I, стр. 340-341, "Заметки о феоде...", стр. 9-13.

являлись такими же условно-наследственными феодами, как и хостаки церковные. Имея в виду влияние нахарарской светской организации на феодализацию церкви, Манандян справедливо полагает, что в нахарарской Армении, кроме вышеуказанных земельных участков, хостаками могли называться также и те земли и недвижимое имущество, которые помещики-сеньоры дарили азатам или востаникам в качестве *dominium utile*, с условием, что последние должны были выполнять обязанности воинской или другой почетной службы по отношению к своим хозяевам, дарившим земли. Опираясь на эти "интересные и важные замечания", Манандян считает вероятным, что большая часть азатов и востаников в нахарарской Армении была хостакадарами, т.е. они от двора и от старшего нахарара получали земельные наделы и недвижимое имущество с правом пользования на особых условиях. Думается, что историк впадает в крайность, предполагая, что хостаки, а следовательно и хостакадары могли существовать и в языческой Армении. Подобное заявление является априорным, поскольку оно не подтверждается свидетельствами первоисточников.

Как известно, Ф. Энгельс, говоря о феодализирующейся церкви в раннем средневековье, отмечал, что "... свою собственную иерархию она установила по феодальному образцу, и, наконец, она была самым крупным феодальным сеньором"⁵⁸. Классики указывают, что, став государственной религией и важным инструментом угнетения трудового люда, церковь не замедлила занять господствующее положение "в качестве наиболее общего синтеза и наиболее общей санкции существующего феодального строя"⁵⁹. Целый ряд ценных сведений, сохранившихся в армянских первоисточниках, свидетельствует о том, что действительно и в древней Армении церковь была феодальной организацией и сосредотачивала в своих руках часть земельных владений страны. Манандян совершенно правильно отмечает, что как в Западной Европе, так и в средневековой Армении феодальные светские порядки и феодализация сильно повлияли на развитие христианской церкви, придав ее административной и экономической организации феодальное оформление и специфическую окраску. По его мнению, духовенство, как отдельная социальная

58 Ф. Энгельс, Развитие социализма от утопии к науке, см. К. Маркс и Ф. Энгельс, "Избранные произведения", т. III, М., 1966, стр. 113.

59 К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. VIII, стр. 361.

группировка, причисляясь к ряду феодальной знати и, будучи освобожденным от налогов, приравнивалось к сословию азатов. И как азаты, так и низшие чины церкви имели feod - хостаки. Эти земельные наделы дарились священникам в качестве dominium utile, т.е. на правах наследственного пользования. Право верховной собственности (dominium directum) на эти земли принадлежало церкви; затем Манандян справедливо считает, что если служба духовных лиц становилась невозможной из-за их невежества или же тяжкого преступления, то церковь имела право отобрать хостаки и передать "достойным" ⁶⁰.

Таким образом, в результате детального изучения первоисточников и исторической литературы Я.Манандян смог глубоко проанализировать сложный вопрос о категориях земельной собственности и землевладения в рамках раннего феодализма. Выдвинутые им в этой связи положения и по сей день остаются непревзойденными по своей научной глубине и охвату вопросов, вследствие чего они являются непреходящими ценностями и в армянской исторической науке.

До Манандяна в армянской историографии сельская община была очень мало изучена. Исследовав социально-экономическое положение основного класса, производившего материальные блага в древней Армении, Я.Манандян обратил внимание на весьма важный вопрос, "достойный изучения", который, как правильно замечает историк, не был основательно поднят в новейших арменоведческих исследованиях. Речь идет об общинном землевладении и сельской общине, которая, по мнению Я.Манандяна, во многих странах представлялась "распространенным и общим явлением в начальный период исторического развития" ⁶¹. Как известно, еще Энгельс в свое время отмечал, что "сельская община с общим владением землей является или являлась в прошлом повсюду первобытной формой общества, от Индии до Ирландии" ⁶². Теперь трудно утверждать, имел ли в виду Манандян Ф.Энгельса, когда писал, что сельская община и общинное землевладение были распространены у всех народов и, следовательно-

60 Я.Манандян, Критический обзор..., т.П, ч.1, стр.345-349, см. также "Феодализм в древней Армении", стр. 126-135.

61 Я.Манандян, Заметки о положении шинаканов..., стр.4-5, см. также "Феодализм в древней Армении", стр.189-190.

62 К.Маркс и Ф.Энгельс, Сочинения, т.IV, М., 1955, стр.424, примеч. 2.

но, "должны были существовать и в древней Армении", однако бесспорно, что он первым обратил внимание на наличие в древней и средневековой Армении сельской общины и общинного землевладения и подверг научному исследованию различные аспекты этой проблемы.

Я.Манандян считает, что сельская община в Армении существовала еще в период разложения родового быта арменов, "что общинное землевладение должно было бы существовать в древней Армении, для древнейшего общинно-родового периода ее прошлой жизни неоспоримо" ⁶³, - пишет он. Возражая против взглядов некоторых историков на рабовладельческий характер общественного строя Арташесидской Армении, роль основной производительной единицы этого периода ученый относит к общине: "В Армении основой производства был не массовый труд рабов и не рабовладельческие латифундии" ⁶⁴. Конечно, возражения Я.Манандяна против взглядов на рабовладельческий строй Арташесидской Армении, как видели, не аргументированы. Что же касается роли общинного крестьянства в материальном производстве этого общества, то, несмотря на всю важность ее, она не может определить характера какого-либо общества, поскольку общинное крестьянство может быть и при рабовладельческой, и при феодальной, и даже при капиталистической формациях. Манандян безоговорочно признает наличие общины и общинного землевладения в исторические эпохи Аршакидов, марзбанства, Багратидов и Захари-дов. Каждую деревню историк рассматривает как отдельную общину, а каждый "Կրճ" (ерд="дым", двор) - как отдельную единицу общины. Ссылаясь на данные греческого перевода Агафангела, Манандян с большим мастерством показывает, что существовавшие в аванах, агараках, деревнях (общинах) "Հորք Կրճոյն" (= առուցառ - земельная мера) являются земельными наделами, переданными Կրճերն (единица общины) ⁶⁵. Согласно мнению Манандяна, этот принцип раздела земель в общинном землевладении действовал и в последние века. Затем Я.Манандян, детально проанализировав все исторические факты, пытается показать, какое же специальное слово в

63 Я.Манандян, Феодализм в древней Армении, стр.190, 197, см. также "Заметки о положении шинаканов...", стр. 5.

64 Я.Манандян, Проблема общественного строя..., стр.20-21, см. также "Критический обзор...", т.1, стр.161, "Актуальные вопросы...", стр.6-7.

65 Я.Манандян, Феодализм в древней Армении, стр.197, ср. также стр.204-205.

грабаре имел смысл крестьянского надела и в каких формах происходило распределение земли внутри общины. Оспаривая положение Н.Адонца, Я.Манандян считает, что единицы общинного надела в древней Армении назывались "Կրօնի" (вичак - жеребье, сога, Лоос) ⁶⁶. Необходимо отметить, что из-за отсутствия прямых свидетельств, Манандян не смог выяснить дальнейшую судьбу сельской общины, которая в результате развития производственных отношений попала в феодальную орбиту. Он не смог показать, что большинство общинных крестьян в период развитого феодализма уже находилось в зависимости от духовных и светских феодальных институтов и, следовательно, подвергалось тяжелой эксплуатации и угнетению. Для Манандяна остался неизвестным факт перехода общинных земель к отдельным общинникам; не проникнув в глубь этой проблемы, в суть отдельных изменений и сдвигов, происшедших в ней в разные исторические эпохи, он не смог показать взаимосвязь между общиной и государством, общиной и феодалом, - эволюцию этих отношений.

Третья глава диссертационной работы, озаглавленная "Исследование правового и экономического положения крестьянства в трудах Манандяна", состоит из следующих разделов: "Проблема закрепощения крестьянства", "Формы эксплуатации крестьянства" и "Вопросы классовой борьбы".

В одной из своих статей, опубликованной еще в 1902 году, Я.Манандян приходит к следующему выводу: "Чтобы история армянского народа не оставалась историографическим сводом внешних событий", необходимо приступить также к "доскональному изучению внутренней истории, культурного и социального, а также общественного, экономического и семейного быта" армянского народа, которое "имеет не только научное, но и чисто социальное значение" ⁶⁷. И только после установления Советской власти в Армении, руководствуясь отмеченным им же указанным правильным положением, он приступает к исследованию этой сложной проблемы. В 1925 году выходит в свет первое исследование Манандяна, посвященное социально-экономическому и правовому положению основного класса, производившего материальные блага ("Заметки о положении шинаканов древней Армении в период марзбанства"). Тем самым в армян-

66 Я.Манандян, Заметки о положении шинаканов..., стр.17-21, см. также "Феодализм в древней Армении", стр.201-204.

67 Я.Манандян, Замечания по поводу изучения внутренней жизни армян, см. "Арагат", 1902, № 2, стр.167-171 (на арм.яз.).

ской исторической науке он закладывает фундамент научного изучения истории крестьянства, которая освещается в различных аспектах капитальной монографии "Феодализм в древней Армении". Признавая основной отраслью производства средневековой Армении сельское хозяйство, Я.Манандян с полным основанием пишет, что крестьянство, будучи основным производящим и трудящимся слоем населения, являлось "главной опорой экономики древней Армении" и тем необходимым базисом феодального общества, который "добывал средства для жизни помещичьей аристократии". Для выяснения социально-правового положения крестьянства он весьма важным и решающим считает следующий вопрос: "были ли они (крестьяне - П.О.) прикреплены к земле, как средневековые крепостные, и была ли их зависимость от помещичьего сословия лишь экономической или же личной" ⁶⁸? Основываясь на немногочисленных сведениях первоисточников, а также на некоторых косвенных указаниях, историк отвечает на поставленный вопрос следующим образом: "По-моему, можно заключить, что и в нахарарской Армении шинаканы в общем находились почти на положении крепостных, а принадлежащие азатам "Կրօնի" (двор и люди) были предметом наследственного раздела, и их можно было купить, продать, подарить, завещать и так далее" ⁶⁹. Если обобщить основные положения Я.Манандяна о правовом и экономическом состоянии крестьянства древней Армении, то выходит, что в этот период крестьяне были настоящими крепостными в научном и историческом смысле этого слова. Только так можно воспринять следующие, весьма определенные, выводы историка: 1. "Шинаканы считались особой собственностью помещичьей аристократии"; 2. "Шинаканы должны были быть закрепощены и прикреплены к земле" ⁷⁰. Оспаривая вышеуказанные объяснения Манандяна относительно правового положения крестьянства в эпоху раннего феодализма, нужно отметить, что они недостаточно аргументированы. Подробный анализ первоисточников говорит совершенно о

68 Я.Манандян, Заметки о положении шинаканов..., стр.32, см. также "Феодализм в древней Армении", стр.161.

69 Я.Манандян, Феодализм в древней Армении, стр.162, см. также стр.159,161,163,166,171,175,189, см. также "Критический обзор...", т.П, ч.1, стр.357-367, "Заметки о положении шинаканов...", стр.3-2-33.

70 Я.Манандян, Критический обзор..., т.П, ч.1, стр.357.

другом. Выясняется, что шинакан не был лишенной прав личностью (как мы увидим ниже, это признает и Манандян), хотя зарегистрированы факты экономической зависимости и угнетения. Однако, это еще не было прикреплением к земле, не было даже крепостничеством. Что же касается утверждения Манандяна, якобы в древней Армении "ерды и люди" были предметом раздела, то нужно сказать, что в соответствующих контекстах речь идет только о том, что предметом раздела были не "ерды и люди", а взимаемая с них рента. Рядом с вышеуказанными взглядами Я.Манандяна кажутся неуместными другие определения правового положения крестьянства, которые он выдвигает в другой связи и которые полностью отвергают его первоначальную точку зрения. Говоря о правах, обязанностях армянских крестьян и об их общественном положении, историки одновременно считают, что шинаканы не подчинялись судебному и полицейскому надзору своих землевладельцев и что они даже "имели право предъявлять иск и судиться в церковных судах. Вероятно, что они те же права имели и в светских судах". Отсюда Манандян заключает, что "они (шинаканы) могут заключить брак без согласия помещика" и что "положение шинаканов в отношении штрафов приблизительно было равно положению английского свободного крестьянства и было вдвое благоприятнее, чем у русских смердов"⁷¹. Исходя из вышеизложенного, Манандян пишет, что крестьяне древней Армении были лично свободными: "Ниже всего по своему общественному положению стояли прикрепленные к земле зависимые крестьяне, называемые шинаканами, которые были лично свободны и напоминали во многом византийских колонов"⁷². Если раскрыть скобки, то получится следующее странное предположение: "прикрепленные к земле зависимые крестьяне ... были лично свободными". Во-первых, прикрепленный к земле крестьянин не мог быть зависимым, поскольку первое понятие логически исключает второе, т.е. к земле может быть прикреплен не зависимый, а только лишь крепостной крестьянин. Во-вторых, если на минуту предположить, что прикрепленные к земле крестьяне были зависимыми, то как можно совместить право личной свободы прикрепленного к земле крестьянина с его крепостным положением. Разумеется, понятие "прикрепленные к земле (по Манандяну, зави-

71 Я.Манандян, Феодализм в древней Армении, стр. 186.

72 Я.Манандян, Заметки о феоде..., стр.8.

смысле) крестьяне" совершенно несовместимо с понятием "лично свободные крестьяне". Утверждение, что древнеармянские шинаканы одновременно были и свободными, и зависимыми и прикрепленными к земле (крепостными), мягко говоря, не соответствует исторической действительности. Понятия "свободный", "зависимый" и "прикрепленный к земле" крестьянин являются различными категориями крестьянского института. Говоря о положении крестьянства в условиях феодальных производственных отношений, классики марксизма определенно указывают на отличные друг от друга три категории крестьянства: свободное, зависимое и крепостное⁷³. Ф.Энгельс, говоря об историческом пути крестьянства, отмечает, что этот путь шел в направлении "превращения свободных крестьян в зависимых и зависимых в крепостных"⁷⁴. Касаясь правового и экономического положения крестьян этих категорий, классики считают, что слой зависимых крестьян, на определенных условиях "используя" землю помещика-феодала, был обязан платить подати и не был лишен права свободного передвижения, а слой крепостных крестьян работал на феодалов-помещиков, был прикреплен к их земле, лишен права свободного передвижения, лично совершенно бесправен и как собственность принадлежал феодалу⁷⁵. Правда, Манандян также хорошо представляет и показывает правовые и социальные различия этих трех категорий крестьянства, однако он употребляет термин "крепостной" вообще для обозначения степени правовой и юридической свободы крестьян и в смысле лишения прав свободного передвижения и в смысле прикрепления к земле. Этим можно объяснить и то, что положение крестьянина-шинакана во все исторические периоды он рассматривает как положение зависимого крепостного. Если это соответствует действительности в период развитого, а частично и раннего феодализма (конечно, если для этого периода вместо понятия "зависимый крепостной" использовать понятие "зависимый крестьянин"), то в Арташесидской Армении несовместимы понятия как "зависимый крепостной", так и "крепостной". Было бы правильным для данного исторического периода использовать понятие "налогоплательщик-крестьянин", имея в виду, что общинные крестьяне имели определенные экономические обязанности по отно-

73 К.Маркс, Ф.Энгельс, Сочинения, т.ХІХ, М., 1961, стр.340.

74 Там же.

75 К.Маркс, Ф.Энгельс, Сочинения, т.УІІ, М., 1956, стр.356.

шению к государству. Правда, в этом смысле они могут рассматриваться как зависимые (от государства), однако не следует этому явлению придавать феодальное осмысление, как в данном случае делает Манандян ⁷⁶. Манандян не отрицает наличия свободного крестьянства в аршакидский и марзбанский периоды, однако в то же время всех остальных крестьян он рассматривает как крепостных, считая, что они по своему правовому положению делятся на две категории. По мнению Манандяна, в древней Армении крепостничество первой категории крестьян зачастую было так слабо выражено, что их положение мало чем отличалось от положения свободных крестьян, а крепостничество второй категории крестьян было настолько тяжелым, что оно приближалось к полнейшему рабству. Я. Манандян считает, что правовое и экономические положение крестьян этих категорий определяется следующим образом: "К первому виду крепостных относятся; например, колонны Византийской империи, которые лично были свободными, но были прикреплены к земле (*glebae, terrae adscripti, servi terrae ipsius*) и не пользовались правом передвижения (как видим, и здесь Я. Манандян впадает в противоречие: лично свободный крестьянин не мог быть прикреплен к земле - П.О.), а ко второму виду относились русские "крепостные" и немецкие крепостные, называвшиеся *leibeigen*. Продолжая свои размышления, Манандян пишет: "Для того, чтобы различать эти два вида крепостных, мы считаем целесообразным называть крепостных, носящих название колон, *hörig*, или зависимых, полусвободными крепостными, а *leibeigen*, или крепостной, - рабовладельческими крепостными" ⁷⁷. На основе многочисленных исторических свидетельств он доказывает, что в исторический период

76 Я. Манандян, Критический обзор..., т. I, стр. 161, см. также "О торговле в городах Армении...", стр. 82, "Тигран второй и Рим", Ереван, 1940, стр. 58 и т. д. Сейчас в армянской советской историографии существует и другая теория, согласно которой шинаканы ранних армянских источников (IV-V вв.) являлись юридически свободными членами крестьянской общины. Этот вывод представляется наиболее правильным (об этом подробно см. С. Е. Аюбян, История армянского крестьянства, т. I, Ереван, 1957, стр. 276-301 (на арм. яз.), см. также А. П. Новосельцев, В. Т. Пашуто, Д. В. Черепнин, Пути развития феодализма, Москва, 1972, стр. 62 и др.

77 Я. Манандян, Критический обзор..., т. II, ч. I, стр. 368, см. также "Феодализм в древней Армении", стр. 176

Аршакидов и марзбанства "не существовало ни сурового крепостного права, которое, начиная с XV-XVI веков, постепенно возникло и развивалось главным образом в Восточной Европе, ни рабовладельческого крестьянства этих стран, называвшегося крепостным или *leibeigen*, которое в наибольшей степени подвергалось произвольной и беспощадной эксплуатации со стороны помещичьей аристократии" ⁷⁸. Затем историк заключает: "Шинаканы в этот древнейший период в основных чертах своего правового положения могли соответствовать византийским колонам, крестьянам сасанидской Персии и германским крестьянам, называвшимся *hörig*. А сравнительно нетяжелое положение крестьян этой категории, которое отличалось от состояния рабовладельческих крепостных, мы выше определили как полусвободные крепостные. Шинаканы древней Армении, по нашим наблюдениям, в этот древний исторический период были полусвободными крепостными" ⁷⁹ (= *hörig*, или зависимый - П.О.). Следовательно, положение крестьян древней Армении следует понимать не как немецкий *Leibeigenschaft*, а как наследственную подчиненность (*Erbunterthänigkeit*) и как зависимость от своих хозяев-аристократов, главным образом налоговую и экономическую" ⁸⁰. Отсюда становится ясным, почему Я. Манандян характеризует правовое положение крестьян-налогоплательщиков в Аршакидский и марзбанский периоды как полусвободное крепостничество, что является в общем правильной характеристикой положения крестьян в эпоху раннего феодализма. Таким образом, выясняется, что Манандян личную свободу армянских крестьян и их зависимость от землевладельцев в период раннего феодализма объясняет тем, что они были налогоплательщиками. Для таких крестьян он употребляет термин "полусвободный крепостной", что, пожалуй, можно отождествить с термином-понятием "зависимый крестьянин", употребляемым классиками марксизма. Именно этот "полусвободный крепостной (= зависимый крестьянин) в результате углубления феодальных производственных отношений мог превратиться в указанного Манандяном "рабовладельческого крепостного" (= который лишен права свободного передвижения, совершенно бесправен, прикреплен

78 Я. Манандян, Феодализм в древней Армении, стр. 181-182, 188-189.

79 Я. Манандян, Феодализм в древней Армении, стр. 189, см. также "Критический обзор...", т. II, ч. I, стр. 370

к земле и как собственность принадлежит феодалу). Необходимо отметить, что, говоря о социально-экономическом положении крестьян Армении периода Багратидов и Захаридов, об ограничении их права на свободный уход от феодала, а также и прикреплении к земле и о закреплении, Манандян справедливо замечает: "Большая часть крестьян (шинаканы) находилась на положении крепостных; они прикреплены к земле и без разрешения помещиков не имеют права уходить и переселяться на другое место", что феодалы-земле-владельцы могли крестьян "продавать, дарить и завещать как в отдельности, так и целыми деревнями" ⁸¹.

Чрезвычайно ценны также исследования Я. Манандяна, освещающие правовое положение сословия шинаканов, создававших "материальное и экономическое благосостояние" древних армян. Никто до него не занимался исследованием указанной проблемы с таким глубоким пониманием вопроса и с привлечением такого богатого фактического материала. Многие из социально-экономических терминов, связанных с институтом крепостничества, впервые были введены в научный оборот Манандяном. Большинство обобщений ученого и по настоящее время не потеряли своей актуальности.

В соответствующем разделе диссертационной работы подробно представлены взгляды Манандяна и на формы эксплуатации крестьян. Как указано выше, Манандян отмечал три категории крестьян в феодальной Армении. И поскольку они отличались друг от друга по своему экономическому и правовому положению, то, по Манандяну, "различны были также размеры и характер их обязательств перед землевладельцами-аристократами". Манандян справедливо считает, что экономическое и правовое положение крестьян, их обязанности, зависимость и формы эксплуатации в средние века являлись общими и необходимыми признаками феодализма. Общие обязанности крестьян в феодальном обществе, по мнению историка, можно представить в следующей общей схеме: "Прибавочный труд или продукт, который получил землевладелец в условиях феодального способа производства, называется феодальной рентой, а эта рента, как известно, была или натуральной, или денежной, или же отработочной. Одни и те же крестьяне, кроме натурального налога, часто платили и определенный денежный налог и одновременно должны бы-

ли выполнять у помещика бесплатные обязательные работы" ⁸². Но, поскольку преобладание той или иной формы ренты зависело от условий развития хозяйства, поэтому, по мнению Манандяна, "денежная рента могла иметь большее значение только в тот период развития феодального хозяйства, когда преобладающую роль играют обмен и денежное обращение. А трудовая рента (отработочная - П.О.), или барщина, могла достигнуть больших размеров, когда сеньоры или помещики также имели связанные с рынком собственные самостоятельные хозяйства, которые они обрабатывали обязательным и бесплатным трудом крепостных крестьян". Необходимо отметить, что особенно убедительно утверждение историка о том, что эти формы ренты могли сочетаться и действовать рядом в смешанном виде. Указанные утверждения Я. Манандяна относительно взаимемаемой у крестьян ренты и форм ее развития в период феодализма, по-видимому, основываются на известных положениях К. Маркса. К. Маркс в "Капитале", говоря о взимании феодалами прибавочного труда крестьян путем земельной ренты, показал также и те видоизменения, которым подвергалась земельная рента на разных этапах развития феодализма. Указывая на последовательность исторического развития форм ренты, К. Маркс пишет, что вначале образовалась отработочная рента, затем рента продуктами и наконец - денежная рента, хотя бывало и так, что эти формы одновременно существовали бок о бок ⁸³.

Оспаривая высказанную в армянской исторической науке точку зрения, согласно которой в Армении аршакидского и марзбанского периода преобладал земельный денежный налог, Манандян пишет, что не следует переоценивать уровень экономического развития Армении этого периода и утверждать, якобы в V веке в Армении натуральное хозяйство могло иметь денежный характер. Неоспоримые факты из источников говорят в пользу этой точки зрения Манандяна. В этот исторический период в Армении была в больших масштабах распространена натуральная рента и в сравнительно меньших размерах - отработочная. Нет и не может быть фактических свидетельств, что над данным историческим этапом как рента,

⁸² Я. Манандян, Феодализм в древней Армении, стр. 29.

⁸³ К. Маркс, Капитал, т. III, М., 1970, стр. 858-872.

⁸¹ Я. Манандян, Критический обзор..., т. III, Ереван, 1952, стр. 114- (на арм. яз.).

так и налоги имели денежный характер. Бесспорно, что это явление могло возникнуть только в условиях развития товарного производства, а в Аршакидской и марабанской Армении хозяйство все еще опиралось на натуральную основу. К.Маркс, говоря о денежной ренте, отмечал, что она возникает от простой метаморфозы продуктовой ренты, когда вместо продуктов крестьянин начинает отдавать их стоимость: "Сначала спорадическое, потом все более и более совершающееся в национальном масштабе превращение продуктовой ренты в денежную ренту предполагает уже более значительное развитие торговли, городской промышленности, вообще товарного производства, а с ним и денежного обращения" ⁸⁴.

Я.А.Манандян подробно останавливается также и на вопросе о содержании барщины. "Барщина (кор), — пишет он, — это те обязательные работы, которые, как средневековая *corvea*, немецкий *Frohndienst* и русская барщина, выполнялись бесплатно у помещика". Историк четко различает два вида барщинного труда: 1. обязательные бесплатные работы, которые выполнялись в пользу помещика, и 2. трудовые повинности, имевшие государственный и общественный характер. Примерами этого последнего вида барщинного труда могут служить "строительство и ремонт дорог, снабжение транспортными средствами и т.д." Далее Манандян пишет, что барщина в Армении имела широкое значение и, как французское *corvea* и немецкое *Frohndienst*, применялась как в первом, так и во втором смысле. Для крепостных крестьян он различает два главных вида обязательных работ: "Первый вид — это те работы, которые крестьянин выполняет сам, а второй — те, что он выполняет со своим скотом и своей упряжкой". Несомненно, прав Манандян, когда пишет, что эти два вида работ существовали в Багратидской и Захаридской Армении. Однако он одновременно считает это вероятным в исторические периоды Аршакидов, марзбанства и арабского владычества ⁸⁵, что, по нашему мнению, неправильно. Использование Я.Манандяном понятия отработочной ренты (барщины) в условиях раннего феодализма в научном понимании по существу связывается с его точкой зрения, что якобы шинаканы в этот период являлись прикрепленными к земле крепостными. Вот почему историк стара-

тельно пытается примирить понятие барщины с армянской ранней феодальной действительностью. В противном случае, его взгляды на то, что шинаканы были прикреплены к земле и являлись собственностью, были бы лишены этого необходимого базиса, и, естественно, историк должен был бы аргументировать свой тезис тем, что армянские шинаканы непременно должны быть прикреплены к земле и быть зависимыми на основе выдвинутых и развитых им самим взглядов о барщинном труде и барщинном хозяйстве. Эти два положения могли представить единое целое только в условиях дальнейшего развития феодальных производственных отношений, когда "непосредственный производитель одну часть недели работает на земле, фактически принадлежащей ему, при помощи орудий производства (плуга, скота и пр.), принадлежащих ему фактически или юридически, а остальные дни недели работает даром в имении земельного собственника, работает на земельного собственника" ⁸⁶. Касаясь этой же проблемы, В.И.Ленин писал, что "сущность тогдашней хозяйственной системы состояла в том, что вся земля данной единицы земельного хозяйства, т.е. данной вотчины, разделялась на барскую и крестьянскую ... Прибавочный же труд крестьян состоял в обработке ими тем же инвентарем помещичьей земли; продукт этого труда шел в пользу помещика. Прибавочный труд отделялся здесь пространственно от необходимого: на помещика обрабатывали барскую землю, на себя — свои наделы: на помещика работали одни дни недели, на себя — другие. "Надел" крестьянина служил, таким образом, в этом хозяйстве как бы натуральной заработной платой, ... или средством обеспечения помещика рабочими руками" ⁸⁷. Исходя из всего этого, необходимо отметить, что подобные явления не могли существовать в ранней феодальной Армении, следовательно, для взглядов, развитых Манандяном, основой послужили только случаи наличия термина "чла" (кор=барщина) в V—VII веках, а не его настоящее содержание в тот же период.

Высоко оценивая труд Манандяна по изучению социально-экономического и правового положения шинаканов феодальной Армении,

⁸⁴ К.Маркс, Капитал, т.Ш, стр.858.

⁸⁷ В.И.Ленин, Соч., т.Ш, стр.183-184, см.также т.ХУ, стр.129-130, т.ХУП, стр.72-73.

⁸⁴ К.Маркс, Капитал, т.Ш, стр.867, см.также стр.872.

⁸⁵ Я.Манандян, Критический обзор..., т.П, ч.П, стр.120-123.

одновременно нельзя не отметить, что он в своих работах очень поверхностно касается вопросов о социальной и классовой борьбе армянского крестьянства. Это обстоятельство, несомненно, придает некоторую ограниченность и односторонность его исследованиям, посвященным взаимоотношениям классов. Несмотря на это, Манандян в связи с другими проблемами (правда, частично) пытался рассматривать также вопросы классовой борьбы и развил в этой связи ряд интересных взглядов. Вопрос о социальных движениях, крестьянских восстаниях и классовой борьбе вообще историк справедливо считал одной из примечательных и неотъемлемых страниц истории армянского народа. Первоочередной задачей армянской советской исторической науки он вполне правильно считает сочетание исследований социально-экономических отношений с изучением классовой борьбы в их взаимной обусловленности⁸⁸. В одном из своих работ Манандян резко критикует антинаучный и антиисторический тезис буржуазной исторической науки о том, что восточные народы якобы покорно переносили иго поработителей. Отвергая это мнение, Я.Манандян при помощи многочисленных фактов из источников доказывает, что народные движения, волнения и восстания крестьян и ремесленников периодически происходили не только в Западной Европе и в России, но и на Ближнем Востоке и особенно в Армении, где, по его мнению, "в IX-X вв. стали почти непрерывными". Касаясь характера этих восстаний, Я.Манандян отмечает, что они имели или социально-классовый характер, или же являлись народными, освободительными движениями против господствовавших угнетателей и поработителей"⁸⁹. Говоря о социальных движениях, развернувшихся в Армении в X-XI веках, историк отмечает: "Находясь в тяжелом экономическом положении, армянское крестьянство которое теперь подвергалось самой беспощадной эксплуатации, восстало против земельной аристократии"⁹⁰. Одновременно Манандян утверждает, что обострение классовых противоречий между эксплуататорскими и эксплуатируемыми классами и возникновение на этой почве открытых вооруженных крестьянских восстаний "объясняется

углублением денежно-хозяйственных отношений, усилившейся ролью ростовщического капитала и, по-видимому, повышением также тяжести требовавшихся с крестьян денежных платежей"⁹¹. Развивая дальше эту точку зрения, он пишет: "Рост городской промышленности и торговли... приводил к обострению классовой борьбы..."⁹². Как видим, у Манандяна не подчеркнуто дальнейшее развитие феодальных отношений и усиление на этой почве феодальной эксплуатации, ухудшение экономического положения крестьянства, безземелье, прикрепление к земле и усиление процесса закрепощения, как основные факторы, обуславливающие классовую борьбу. Если согласиться с Манандяном, то выходит, что борьба армянского трудового крестьянства была направлена прежде всего против торгово-ростовщического слоя общества; но ведь наличие ростовщического капитала и торгово-денежных отношений были связаны с этим торгово-ростовщическим слоем и, конечно, до некоторой степени и с феодалами-помещиками, впадшими в водоворот указанных явлений. Не следует забывать, что развитие феодальных отношений усиливает феодальную эксплуатацию, которая прежде всего резко обостряет антагонизм между крестьянами и феодалами. В.И.Ленин отмечает, что "когда было крепостное право, - вся масса крестьян боролась со своими угнетателями, с классом помещиков..."⁹³. Нетрудно заметить, что вышеуказанные взгляды Манандяна основываются на его же общей концепции переоценки роли торгового и ростовщического капитала.

Касаясь вопроса о развернувшемся в Армении крестьянском восстании тондракитов, а также его социально-классовой сущности, Манандян уже совершенно правильно оценивает это движение как выражение обострения классовых противоречий и усиления борьбы против феодального строя. Говоря о том, что тондракиты были последователями павликиан, Манандян справедливо указывает, что и они подвергали резкой критике официальную церковь, ее догмы, обряды и ее иерархическую организацию феодального характера. "Идеология тондракийских сектантов, - отмечает Манандян, -

88 См. "Известия" АН Арм.ССР, 1948, № 12, стр.77

89 Я.Манандян, Народные восстания в Армении против арабского владычества, Ереван, 1939, стр.3 (на арм.яз.).

90 Я.Манандян, Города Армении в X-XI столетиях, стр.43.

91 Я.Манандян, О торговле и городах Армении..., стр.211, см. также "Города Армении в X-XI столетиях", стр.41.

92 Я.Манандян, Краткий обзор истории древней Армении, стр.42.

93 В.И.Ленин, Соч., т.УП, стр.191.

в основном представляла резкий протест не только против чрезмерно обогатившейся и переродившейся господствующей церкви, но и против армянского феодализма и притеснений и угнетения крестьян господствующими классами"⁹⁴ По другому поводу Манандян пишет: "Учение этой секты (тондракийцев - П.О.), приверженцами которой были широкие массы трудящегося бедного народа, отстаивало демократическое христианство и в условиях того времени являлось социальным протестом не только против официальной церкви, но и против гнета господствовавших классов"⁹⁵. Как видим, Я.Манандян совершенно правильно понял суть тондракитского движения, как еретического антифеодального народного движения, которое, подобно другим народным движениям эпохи феодализма, также имело религиозную окраску и выдвигало религиозные лозунги, однако в действительности имело подчеркнута классовое содержание. Конечно, цель Манандяна была очень скромной, и рамки исследования, посвященного городам, не позволили коснуться вопроса о чаяниях и стремлениях участвовавших в этом движении различных социальных слоев, их программ и идеологии. В работе Манандяна нет ни слова о ходе движения, его границах и причинах поражения. Хотя нам известна позиция Манандяна и его отношение к этим вопросам, однако то, что он написал о вышеуказанном движении, дает нам право утверждать, что Манандян одним из первых в армянской исторической науке отверг ничего не говорящие, бессодержательные и тенденциозные утверждения, почитающие павликиан и тондракитов представителями религиозно-догматических "бесноватых, гнусных и злых сект", или же "коммунистов". Особенно важно для армянской исторической науки ценное указание Манандяна о том, что павликианское и тондракитское движения возникли и питались "на армянской земле и в армянской среде". Тем самым он нанес сокрушительный удар распространенным в клерикально-феодальной и буржуазной историографиях мнениям, якобы павликианские и тондракитские "секты" не армянского происхождения, а привнесены извне в Армению.

94 Я.Манандян, Города Армении в X-XI столетиях, стр.44, см.также "О торговле и городах Армении...", стр.210 (курсив наш - П.О.).

95 Я.Манандян, Краткий обзор истории древней Армении, стр.41 (курсив наш - П.О.)

В четвертой главе диссертационной работы, озаглавленной "Концепция Я.Манандяна о городах, ремеслах и торговле средневековой Армении", представлены и оценены взгляды Манандяна по указанным вопросам. В дореволюционной армянской исторической науке очень мало было сделано в области изучения феодальных городов. В центре внимания в основном находилась столица Багратидов Ани. Надо отметить, что все исследования, посвященные Ани, очень схематичны, в них мало говорится о внутреннем устройстве города, о городских сословиях и их взаимоотношениях, о ремеслах, торговле и связанных с ними других вопросах, которые и составляют истинную историю любого города. Таким образом, до Манандяна вопросы Армении оставались вне поля зрения исследователей. Это обстоятельство отрицательно отразилось на всестороннем изучении истории армянского народа, поскольку без научного изучения этих проблем невозможно было составить цельное и правильное представление об историческом развитии Армении. Поэтому, сознавая роль и значение городов в социально-экономических отношениях и учитывая необходимость изучения этой проблемы, Я.Манандян одним из первых в армянской советской исторической науке приступил к научному исследованию городов, ремесел и торговли феодальной эпохи. В 1930 году вышла в свет монография историка "О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен (У в. до н.э. - XV в.н.э.)"⁹⁶. Само название работы явствует, что Манандян в ней показывает участие городов Армении в мировой торговле. Используя армянские, греческие, латинские, ассирийские, персидские и арабские исторические источники, а также лапидарные, археологические материалы, историк разносторонне рассматривает возникновение и развитие феодальных городов Армении, их особенности, анализирует и оценивает их роль во внутренней и международной торговле. Ученый подробно освещает состояние городов, ремесел и торговли в различные исторические эпохи, тенденции их развития, обуславливающие это развитие, внутреннее устройство городов, формы правления и другие связанные с ними вопросы. Он подробно оста-

96 Еще задолго до своей смерти Я.Манандян значительно переработал и расширил это исследование; его объем от 15 листов он довел до 22-х. После этого пересмотра книга выдала не только в количественном, но и в качественном отношении. Труд был готов для издания в 1946 г., но вышел в свет в 1954 году.

наливается на причинах упадка и разложения городов и городской жизни. Манандян первый в армянской исторической науке показал социально-экономический характер и роль средневекового города в феодальной общественно-экономической формации. Историк правильно считает, что в различные периоды развития феодализма и в местных специфических условиях отдельных феодальных стран города могут играть различную роль и иметь разное значение. Хотя в условиях раннего феодализма существовали города, торговля, деньги, обмен, однако "их значение было второстепенным", а в последний период развитого феодализма и его разложения "города и ремесла получают большое развитие". По Манандяну, возникновение феодального города в Армении, как и в средневековой Европе, происходило постепенно: вначале, благодаря развитию экономики, возникает внутренний рынок и товарообмен; они "происходили главным образом в центральных местностях феодальных районов, которые представляли собой труднодоступные крепости и укрепления"⁹⁷. Впоследствии население, постепенно сосредотачиваясь в указанных местностях, развивает ремесла и торговлю, а феодальные крепости и замки таким путем превращались в города. В подтверждение этой своей точки зрения Манандян приводит из армянских первоисточников некоторые данные о том, что на древнеармянском языке слово "աւան" (город) имело значение "вал", "укрепление". Своей теорией возникновения городов Я. Манандян нанес тяжелый удар по господствовавшей в армянской исторической науке традиционной точке зрения, согласно которой возникновение и развитие городов средневековой Армении является результатом "данного богом ума" армянских царей. Он одновременно отверг точку зрения, согласно которой многие средневековые города Армении рассматривались как возрожденные древние города. Основываясь на исторических сведениях и на данных археологических исследований Н. Марра, И. Орбели и Т. Тораманяна, Я. А. Манандян показывает представляющую большой интерес проблему армянских феодальных городов, их характерных особенностей, численности населения, городских слоев, ремесел, торговли. Изучение проблем, связанных с внутренней жизнью городов, представляет собой огромную трудность, поскольку сведения

⁹⁷ Я. Манандян, Феодализм в древней Армении, стр. 222, см. также "О торговле и городах...", стр. 220, "Критический обзор...", т. II, ч. I, стр. 397, 398.

армянских историков средневековья по этому поводу очень скудны и одновременно весьма противоречивы. Несмотря на это обстоятельство, ученый, исходя из результатов археологических раскопок и опираясь на исследования других ученых, занимавшихся вопросами истории городов Востока и, прежде всего, на труды В. Бартольда, пришел к выводу, что города Армении были похожи на города соседних восточных стран не только по своему типу, но и по устройству и формам правления. Манандян считает, что феодальные города Армении состояли из трех частей: цитадели ("кухендуз"), собственно города ("шахристан") и предместий ("рабат")⁹⁸.

Согласно мнению Манандяна, по мере роста и углубления денежного хозяйства в городах Багратидской Армении оживлялась деятельность ростовщического капитала и ухудшалось положение трудящегося населения. Подобное социальное расслоение населения городов, по мнению историка, вызвало изменения и во внутренней жизни городов. Из этих изменений самыми характерными для феодального города были проявления форм городского самоуправления. Исходя из свидетельств первоисточников и основываясь на предположении Н. Марра и И. Орбели о том, что в городе Ани, возможно, существовала самостоятельная городская жизнь во главе с городской знатью, Манандян выдвинул вопрос о самоуправлении городов средневековой Армении. Он считает, что в этот период города принадлежали "крупным феодалам и, ставшие большей частью их резиденциями, находились под властью этих сеньюров и имели режим сеньюриальный. Управлялись они, как западноевропейские города, сеньюриальным режимом, должностными лицами, назначаемыми владельцами их, багратидскими царями, и другими крупными сеньюрами"⁹⁹. Манандян справедливо заключает вопрос самоуправления городов средневековой Армении в рамки городского управления. И действительно, в условиях Армении городское самоуправление дальше городского управления не пошло. Городское управление еще не означает городского самоуправления в абсо-

⁹⁸ Я. Манандян, О торговле и городах Армении..., стр. 220-221, см. также "Города Армении в X-XI столетиях", стр. 20-22, "Краткий обзор...", стр. 39-40.

⁹⁹ Я. Манандян, О торговле и городах Армении..., стр. 231-232, см. также "Краткий обзор...", стр. 39, "Города Армении в X-XI столетиях", стр. 25-26.

лутном смысле, как мы привыкли видеть в феодальных городах Западной Европы, где им были присущи стремление к самостоятельности и борьба против разнузданной сеньориальной власти. Зачатки самоуправления в армянских городах, не достигнув высокого развития, были уничтожены во время монгольского владычества. Следующий вопрос, связанный с внутренней жизнью городов, который заинтересовал Манандяна, касался "социального положения городских ремесленников", а также ремесел и торговли. Из-за отсутствия конкретных исторических данных Я. Манандян только догадывается, что кооперативная цеховая организация армянских ремесленников, существовавшая в позднее время, своими корнями уходит в Багратидскую Армению, и, вероятно, в более древние времена.

Опираясь на сведения, сохранившиеся в армянских и иностранных первоисточниках, а также на данные археологических работ, Манандян приходит к выводу, что, в отличие от предыдущих периодов, в Багратидской и Захаридской Армении достигли высокого развития ремесла, внутренняя и внешняя торговля. Историк показывает связи Армении с соседними и дальними странами, ее важную роль в транзитной торговле между Востоком и Западом, рост товарно-денежного оборота, отрасли производства, которые развивались благодаря оживлению и развитию торговли, вывозимые и ввозимые товары.

Однако основные вопросы, относящиеся к городам и транзитной торговле, освещены Я. Манандяном с методологически неверных позиций¹⁰⁰. Он сильно преувеличивает роль торговли, особенно транзитной, и внешнеполитического фактора в экономической жизни страны. Так, например, говоря о падении древних армянских рабовладельческих городов II-IV вв. (по мнению Манандяна, они были феодальными городами), он кладет в основу их факты изменения торговых путей и международных отношений. Однако это явление обуславливалось не изменением транзитных торговых путей или же разрушительными походами Шапура II, как утверждает историк, а социально-экономическими, а также политически качественными изменениями. В социально-политической жизни Армении

¹⁰⁰ Об этом подробно см. "Вестник Древней Истории", 1957, № 4, стр. 142-146.

II-IV вв. происходили крупные изменения: отжившее свой век рабовладельческое общество шло к гибели, а зачатки феодального общества, возникшие в его недрах, постепенно развиваясь, вели страну к натуральному хозяйству, которое становилось господствующим в экономике в результате окончательного формирования раннефеодальных отношений. Кризис рабовладельческих производственных отношений одновременно означал и кризис рабовладельческой экономики, городов, городской жизни, ремесел и торговли. В этот период социального переворота старые рабовладельческие города неизбежно должны были погибнуть. Поскольку Манандян отрицал существование рабовладельческого общества в Армении, он не мог видеть глубину тех социальных переворотов, которые происходили в результате столкновения старого и нового строя. Говоря о застое экономической жизни Армении этого периода, о гибели городов и упадка торговых отношений, историк так и не смог убедить нас, что в их основе не было других факторов, кроме неблагоприятного международного положения и перемещения мировых торговых путей. Эти явления нужно объяснить прежде всего тем, что "социальные революции и перевороты были революциями в защиту одного вида собственности против другого вида. Они не могли защищать один вид собственности, не посягая на другой"¹⁰¹. Но поскольку города являлись социальной опорой рабовладельческого общества, то они должны гибнуть во имя укрепления форм собственности нового общества, необходимо было нарушить или исключить города в качестве социального организма, чтобы выдвинуть на первый план деревню. Поэтому не случайно в период раннего феодализма города пережили упадок. Во II-IV веках ни один из них не являлся городом по своему социально-экономическому характеру; они потеряли свое значение в качестве городов, превратились или же превращались в крепости, в оборонительные укрепления. Подобный же подход у Манандяна и к бурным явлениям градостроительства в эпоху развитого феодализма. Возникновение городов Армении в IX-XI веках он также обуславливает благоприятным внешнеполитическим положением и, главное, развитием между-

¹⁰¹ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, см. К. Маркс и Ф. Энгельс, "Избранные произведения", т. III, стр. 311.

народной транзитной торговли: "Экономическое возрождение Армении и новый расцвет ее городских центров стали возможны, начиная со второй половины IК века, благодаря коренному изменению внешнеполитической ситуации" или "благодаря своему положению на одной из главных магистралей мировой торговли, Багратидская Армения стала идеальной нейтральной территорией для транзитной торговли", а также тем, что Армения в эту эпоху стала на Ближнем Востоке "единственным транзитным путем и единственной нейтральной территорией, удобным и безопасным местом для мировой торговли". На этой основе и зиждется следующее категорическое заключение Манандяна: "К возрождению большой торговли, развивавшейся под покровительством Багратидов, несомненно нужно отнести и цветущее экономическое положение Армении, и основание, а также бурный и быстрый рост великолепных городов". Историк в своих трудах последовательно развивает точку зрения, якобы во все эпохи городская жизнь целиком зависела от международной транзитной торговли. Возникновение и развитие городов Армении он объясняет оживлением международной транзитной торговли, а их упадок — перемещением направления торговых путей¹⁰². Как видим, в своей теории и городах Я.Манандян выдвигает на первый план факторы внешнего порядка, считая внутренние факторы второстепенными. Конечно, транзитные торговые пути и ряд факторов внешнего порядка могут иметь значение для процессов возникновения или же упадка городов, однако решающими они быть не могут: эти явления во многом обусловлены ходом внутреннего развития страны и зависят от него, от оживления товарного производства, ремесел и рыночных отношений, а также, в конечном счете, от уровня развития производительных сил и производственных отношений. Они сыграли не второстепенную, а решающую роль в возникновении и развитии городов. Поэтому не внешняя торговля являлась "руководящей силой эконо-

102 Я.Манандян, О торговле и городах Армении..., стр.32,62,112, 200,201,203,206,207,233,270,273-274,283-285,302-304,306, 307, см. также "Города Армении в X-XI столетиях", стр.10, "Краткий обзор...", стр.35-36, "Критический обзор...", т.Ш, стр.164-166 (курсив наш - П.О.). О точках зрения Я.Манандяна по этому вопросу подробно см. В.Н.Аракелян "Города и ремесла Армении в IX-XIII вв.", т.1, Ереван, 1958, стр.14-16.

мической жизни Армении", как утверждает Манандян, а развитие производительных сил, которым обусловлено как развитие ремесла и торговли, так и процесс урбанизации.

Манандян проявил односторонний подход также и к монгольскому нашествию, и к оценке роли их владычества. По его мнению, после установления монгольского владычества в Армении "наблюдается новое и бурное оживление строительства и культурно-экономической жизни", якобы монголы поощряли градостроительство, торговлю, ремесла и пр. Как видим, Манандян явно недооценил отрицательные последствия монгольских нашествий и владычества монголов, размеры причиненных ими разрушений и разительные факты дальнейшего экономического упадка. Известно, что развитие городов, ремесла, торговли и экономической жизни тесно связано с производительными силами и производственными отношениями. Монголы, находясь на несравненно более низком уровне развития, чем армяне, принесли с собой не развитие последних, а резкое разложение их. Об этом свидетельствуют данные раскопок и многочисленные исторические сведения. Будучи кочевым или полукочевым скотоводческим народом, монголы не были заинтересованы в широком развитии градостроительства и земледелия. К.Маркс пишет об этом: "Монголы при опустошении России действовали сообразно с их способом производства, пастбищным скотоводством, для которого большие необитаемые пространства являются главным условием"¹⁰³. Подобная политика монголов превратила в полупустыню также и Армению: было задержано развитие производительных сил, страна была опустошена, погибли города, пережили упадок ремесла и другие отрасли хозяйства.

Необходимо отметить, что подобные взгляды Манандяна основываются на ошибочной концепции В.Бартольда относительно прогрессивной роли монголов, которая в 20-30-ых годах господствовала в советской исторической науке. К чести Манандяна нужно отметить, что он в третьем томе "Критического обзора" целиком избавляется от влияния Бартольда и пересматривает свою оценку

103 К.Маркс и Ф.Энгельс, Сочинения, т.ХП, стр.724.

роли монгольского владычества, став на позиции исторического материализма. Он подверг критике мнение М.Н.Покровского и В.В.Бартольда, которые "недооценивают сообщения источников о массовом истреблении населения, разрушениях и варварствах, из-за которых страны Передней Азии превратились в полупустыни и был нанесен непоправимый удар их благосостоянию и цивилизации". Манандян справедливо отмечает, что настоящая характеристика и правильная оценка монгольского владычества даны в работе К.Маркса "Тайная дипломатия": "Эта оценка К.Маркса совершенно справедлива и в отношении Закавказья и Армении"¹⁰⁴, - пишет он.

Исследования Манандяна, посвященные городам феодальной Армении, имеют исключительные достоинства и по праву считаются основными пособиями для изучения ремесла, городов, торговли и торговых путей не только Армении, но и связанных с ней торговыми связями других стран; эти исследования и поныне не потеряли своей научной ценности.

В заключении вкратце даны основные выводы диссертационной работы. Беря за основу указание В.И.Ленина о том, что "исторические заслуги судятся не по тому, чего не дали исторические деятели сравнительно с современными требованиями, а по тому, что они дали нового по сравнению со своими предшественниками"¹⁰⁵, мы попытались подвергнуть историко-критическому анализу работы академика Я.Манандяна в области изучения социально-экономических отношений средневековой Армении. В этой связи охарактеризованы и по достоинству оценены все его исследования по данному вопросу, показано то новое, что дал Я.Манандян по сравнению со своими предшественниками. Критически освоив наследие всей предшествующей исторической науки, Я.Манандян поставил на прочную научную основу, углубил, расширил и обогатил изучение социально-экономических отношений, составляющих неотъемлемую часть истории армянского народа, чем и открыл дорогу к марксистскому изучению истории древней Армении.

¹⁰⁴ Я.Манандян, Критический обзор истории армянского народа, т. III, стр.272-273, см. также стр.251,271.

¹⁰⁵ В.И.Ленин, Соч., т.П, стр.178.

С 20-ых годов Манандян посвятил себя исследованию социально-экономических, политических вопросов истории армянского народа, вопросов культуры, создав более ста работ. Многие исследования Манандяна по своему научному и познавательному значению вышли за рамки национальной истории и стали основными пособиями по социально-экономической, политической и культурной истории Кавказа, Ирана, Византии и других регионов Передней Азии.

Понятно, что в настоящее время армянские советские историки в современных условиях развития науки добавляют все новые историко-археологические и документальные материалы к тому вкладу, который внес Манандян в область изучения социально-экономических отношений древней и средневековой Армении. Однако, несмотря на это, многие научные выводы, составляющие основу наследия Манандяна, и по сей день актуальны и не потеряли своей исторической ценности и значимости. Именно в этом и заключается весомость научного вклада Манандяна, что его научные труды и на сегодня остаются и еще долго будут неотъемлемой частью армянской исторической мысли, без которой невозможно составить правильного и всестороннего представления о ходе развития армянской исторической науки. Теперь, когда стали возможны переоценка и переосмысление трудов Я.Манандяна с объективных и беспристрастных позиций, армянские советские историки отдадут должное новатору науки: вооруженные марксистско-ленинским мировоззрением, они еще более обогащают, расширяют и дополняют изучение цельной истории армянского народа.

Основные положения диссертации изложены в следующих работах:

1. Изучение проблемы истории городов средневековой Армении в трудах академика Я.Манандяна. Ереванский университет (Вестник), 1972, № 3.
2. Академик Яков Манандян. Ереванский университет (Вестник), 1973, № 3.
3. Некоторые письма из архива академика Я.Манандяна. Вестник архивов Армении, 1974, № 1.

4. Некоторые вопросы периодизации истории феодализма в Армении. Ереванский университет (Вестник), 1974, № 3.

5. Изучение проблемы генезиса феодализма Армении в трудах академика Я.А.Манандяна. "Молодой научный работник". Ереванский университет, 1975, № 1.

Подписано в печать 4.2-76 г.

Бум 60x84, 3,2 печ. л.

Заказ 32

Тираж 180

Цех "Ромайор" Ереванского государственного университета. Ереван, Мравяна № 1.